

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

КОЛЬЦО

«ПРИНЦЕССЫ»

Сергей Алексеев

Кольцо «Принцессы»

«Алексеев Сергей»

2000

Алексеев С. Т.

Кольцо «Принцессы» / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей»,
2000

Капитан Герман Шабанов знал, что ему предстоит выполнить ответственное задание в обстановке строгой секретности, но сложностей не предвидел. А что такого? Отпилотировать проданный за границу МИГ к месту назначения. Дело, конечно, не в МИГе, а в уникальном приборе, которым он оснащен, – таинственная «принцесса» способна сделать самолет «невидимым» для любой службы ПВО. Так что Герман не сомневался: прогулка из Сибири в Индию его ждет приятная и вполне безопасная. Все было по плану. Дозаправка в Монголии, воздушное пространство Китая... А потом Герман понял, что заблудился и что борт-система сошла с ума. Он катапультировался, спасая себя и «принцессу». Но на земле чудеса не закончились. Потому что это были не сибирские просторы. Не монгольские степи. Не Китай. И уж точно не Индия... Там снились слишком реалистичные сны, а реальность подозрительно напоминала грезы. Что, если колдунья-"принцесса", за которой началась настоящая охота, сводит с ума не только компьютеры? А вдруг и человеку голову умеет заморочить?

© Алексеев С. Т., 2000

© Алексеев Сергей, 2000

Содержание

Пролог	5
1	13
2	27
3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Алексеев

Кольцо «принцессы»

Пролог

Герман Шабанов стартовал с военного аэродрома в Пикулино на закате четвертого мая. Еще не уверенная, бледноватая зелень вдоль взлетной полосы слилась воедино, выстелилась просто незрелым оттенком и, оторвавшись, начала медленно сереть, как всё, что в такие мгновения оставалось на земле, в том числе и старомодный полосатый мешок, мелькнувший в конце поля. Весенние призрачные краски увядали так быстро, что глаз едва успевал справляться с изменениями цвета, поскольку был уже полностью охвачен лазурным сиянием: несмотря на раннее, почти летнее тепло на земле, укрытой многоярусными тучами, небо за ними еще отсвечивало полярным холодом и на высоте пятисот метров прибор отбил температуру минус три.

Это было самое приятное и удивительное – момент взлета, когда машина, набрав предельную земную скорость, словно кенгуру, прыгает вверх, и на короткий миг возникает настоящее чувство полета. Тысячу раз взлетай, и все равно замирает душа. Потом, когда наберешь высоту и земля обратится в топографическую карту, все исчезает и становится скучно.

– Набрал девять пятьсот, курс на Орог, – запоздало сообщил Шабанов. – Подписано двадцать восемь.

– Как аппарат?

– Аппарат приличный, тяга нормальная.

Помощником руководителя полетов в этот вечер сидел Олег Жуков, понимающий все с полуслова, а неуставной язык радиообмена Шабанову прощался.

– Ну, валяй, – сказал в ответ Олег. – Привет дальним странам.

Он не имел представления, куда Герман погнал машину, и мог лишь догадываться о маршруте.

– Мне еще до стран как до луны пешком, – проворчал Герман, потому что удовольствие от взлета давно закончилось и начались перегрузки, эдак раз в двадцать пять.

К ним тоже было невозможно привыкнуть, как и к чувству полета. Он знал, что земное притяжение сейчас расплющивает, размазывает лицо, несмотря на гермошлем, и надо перетерпеть несколько минут, пока утлый, ранимый человеческий организм не привыкнет к скорости. Он ждал момента, когда МИГ преодолеет звуковой барьер, после которого наступало облегчение, и следил за приборами. Этот важный этап полета был смешон и горек тем, что все время напоминал детство, точнее, конкретные предосенние страдания, когда, объевшись не совсем зрелой черемухой, испытываешь все прелести сурового и неотвратимого запора: рожа от напряжения красная, но сколько ни пыжься, сколько ни задерживай дыхания, как перед выстрелом, толку ну никакого! А эта сладкая, соблазнительная ягода росла всюду, особенно вдоль реки Пожни, и ее, как чудо, ждали с самой весны, когда берега подергивались белым, чарующим цветом и старики со своими старухами, несмотря на возраст, выползали ночами подышать своей юностью. Чего уж было говорить о молодняке, который до утра пропадал в белокипенных зарослях, по неведению и безответственности творя любовь и грех.

То же самое потом случалось под осень, когда недозрелые, как черемуха, девушки брюхатали и, скрывая позор, затевали тайное сватовство и скоротечную женитьбу, или – и такое случалось – бросались в омут головой. А чаще всего, дабы скрыть черемуховый грех, бежали к Шабанихе, пожненной знахарке, и падали на колени. Бабка считалась в деревне не менее чем повитухой и не более чем колдуньей, хотя на самом деле совершала над залетевшими девками не таинство, а производила обыкновенный подпольный аборт, разве что древним способом и

подручным инструментом – веретеном. Так вот, когда малолетний Шабанов объедался незрелой черемухой, и страдал от тайного запора, и, как согрешившая девка, подолгу ходил задумчивый, бабка Шабаниха, как ее звали в деревне, замечала это и спасала от позора. Она втайне от матушки уводила его в сортир на повети и давала веретено...

Перегрузка в точности имитировала все детские ощущения, так же пучило глаза, краснела рожа и так давило на задний проход, что казалось, опять наелся бурой черемухи. Только бабушки с веретеном рядом не было...

Хлопка он не услышал, когда преодолел звуковой барьер, однако в ушах на какое-то время тонко завибрировало, и почти сразу пришло облегчение. И машина, словно медведь, выбивший зимнюю пробку, враз полегчала, вздохнула свободно: «У-у-ф!..»

– Достал небес, аппарат в порядке, – доложил Герман. – Курс – Орог. Тут еще солнышко на горизонте, и над головой звезды сияют. Ты давно такое видел, товарищ Жуков?

– Вот диковина!.. А у нас стемнело, – хрипнул бывший пилот Жуков. – Кажется, дождик начинается...

– А я вижу... Слева какая-то звезда горит. Может, Венера.

– И хрен с ней, пускай горит...

– Ты меня видишь? Как я выгляжу на экране?

– Кинозвезда.

– Сейчас войду в клетку к зверю, товарищ Жуков, – сказал Шабанов. – Хотя знаю, что он там есть.

Через полминуты Жуков позвал тревожно и официально:

– Шесть два семь! Тебя не вижу! Ушел с экрана.

– С экрана ушел в клетку зверя! – с удовольствием сообщил Шабанов. – И он оказался в берлоге.

– Не понял, шесть два семь! – Кадет или забыл случай, когда они в суворовские времена испытывали силу духа, или делал вид, что забыл.

– Я просто превратился в ничто! Меня нет.

Жуков не ответил, возможно, обиделся на шутку, а скорее всего доложил руководителю полетов о чудесах, и тот посоветовал не обращать внимания. Шабанову в этот миг было наплевать на все, потому что до монгольской границы оставалось семнадцать минут расчетного полета, а «темный» коридор даже не подразумевал радиообмена, как в давние уже времена, когда через рубежи дружественных СССР государств можно было порхать, словно вольным перелетным птицам.

Даже свои ПВОшники не запросят, и не надо насиловать систему опознавания «свой – чужой».

Шабанов включил «принцессу», которой была оборудована эта машина, и исчез из виду самых чутких и глазастых локаторов. И не только их, но, к примеру, и от «Игл», «Стингеров» и самонаводящихся ракет класса «воздух-воздух». Обыкновенный рядовой МИГарь в сочетании с этой таинственной, королевских кровей, особой делался невидимым и неуязвимым. Представитель Главного Конструктора еще в Пикулино пытался натянуть на нее пояс верности в виде прозрачного колпака на пульте управления, однако после недолгих консультаций и специального «добро» Росвооружения во время перегона использовать «принцессу» разрешили. Юная барышня таращилась теперь сквозь стекло своим восторженным глазом на весь прекрасный вечерний мир и могла очаровать всех локаторщиков.

Герман поднял машину на двенадцать тысяч метров – с земли ее уже было не видно и не слышно – и включил автопилот. Через семь минут он должен был исчезнуть со связи сопровождения в Пикулино и уйти в вольное странствие на десять, пока не войдет в зону наблюдения ПВО, которые его не увидят на своих локаторах, но, предупрежденные, должны принять условленный радиосигнал и доложить о его прохождении. Потом уже, за границей, где тоже

стоят свои, – в Алтупе монгольском примут обыкновенные гражданские диспетчеры. Конечно, гражданские относительно, ибо там сидят наши люди и человек, который обязан обеспечить секретность посадки, заправки и взлета. На этот случай Шабанов выучил даже две фразы на монгольском – запрос на посадку и взлет, чтобы враги не догадались.

Впереди было целых четверть часа свободного полета! Как только он услышал последнюю фразу товарища Жукова и исчез с локатора, первым делом сбросил скорость, сделал фиксированную «бочку», затем отстегнулся от кресла и пустил машину в глиссаду, поближе к облакам, плотно укрывающим землю. От резких встряхиваний и последующей невесомости несколько расшатывалось и ослаблялось крепление НАЗа – неприкосновенного авиационного запаса, грубо говоря, мешка со снаряжением и продуктами, заложенными под парашют в катапультный блок. После этого, если изловчиться, можно было достать хитрый замок рукой и открыть рог изобилия: в чрезвычайных запасах было все, от шоколада до консервированных сосисок. Пограбить запас было делом святым, когда самолет перегонялся, а точнее, продавался дружественному, но все-таки иноземному клиенту. Шабанов гнал МИГ за три моря, а у них там и вкусы были иные, поэтому покупатель НАЗа обязательно перетрясет и вложит туда продукты свои, привычные национальной кухне. И никто уже не спросит за мелкое мошенничество, если с мешка по дороге сдерут пояс верности (не восстанавливать же разовый замок и пломбу!) и исчезнет часть продуктов, рассчитанных на семь дней экономичного питания.

А Шабанов, как и все пилоты, был вечно голодным: кислород играл злую шутку – многократно увеличивал процессы обмена в организме и сжигал калории, как топливо в баках. Ко всему прочему, он и взлетал голодным, поскольку не то что позавтракать, но и поужинать не смог по причинам, вполне объективным. Ситуация вчера сложилась так, что вместо последнего праздничного майского дня и вкушения его удовольствий, Шабанов получил по роже, причем драться пришлось сразу с троими, и ладно не зарезали. Хоть и вывернулся, не пал смертью храбрых в неравной схватке, но получил по зубам и в переносицу, так что выпускающий доктор в какой-то момент засомневался, не помешают ли распухшие губы надеть кислородную маску.

Боевые раны не помешали, кислородная маска легла на физиономию даже плотнее, чем раньше, и дышалось вольготно. А самое главное, наконец-то перестал чувствоваться отвратительный запах в кабине, грубо говоря, запах дерьма, преследовавший Шабанова с первого момента, как он сел в этот самолет, когда его принимал.

На семи тысячах маска была не нужна. Дыша ртом, как в вокзальном туалете, он выдернул чеку из замка НАЗа, засунул руку в тесное пространство с правой стороны от кресла и нащупал сначала железо – судя по форме, какое-то оружие. Протиснувшись глубже, захватил пальцами уголок пластикового пакета и, осторожно вытащив пакет, обнаружил в нем бумажные салфетки. Кажется, русские военно-воздушные силы, следуя западным образцам, постепенно сходили с ума. А иначе это можно было отнести к издевательствам над истребительной авиацией, где жизнь пилота рассчитана на сорок пять секунд воздушного боя.

Салфетки! Покушали – утрите губы и пальчики!

Из-за тесноты в кабине Шабанов не мог достать глубин НАЗа, однако после минутногоковыряния извлек плоскую баночку рыбного печеночного паштета, съесть который без хлеба или сухариков было невозможно по причине жирности. Он забил руку еще глубже и вытащил брикет спрессованных фруктов, на языке пилотов называемый компотом. Совмещение найденных продуктов было невозможно, поэтому он, приложив усилие, сместил ствол неведомого оружия, проник ко дну мешка и нащупал нечто длинное и плоское – бывало, что так упаковывали сыр. Однако, вытянув сей предмет, Герман обнаружил запасной магазин к автомату неизвестной конструкции, эдак патронов на двадцать. Запихав назад несъедобное, он выдрал пакет с сухим печеньем, искрошенным вдребезги, но это стало самой приемлемой пищей, хотя от первой же горсти крошек поперхнулся и захотел пить. Вода находилась не в НАЗе, а в специальной фляге с ручным насосом, стоит лишь захватить сосок губами и качнуть рычагом.

Когда-то такие питьевые бачки заправляли нарзаном и даже разведенным соком, но сейчас оказалось, что в сосуде пусто.

Шабанов про себя ругнул техника и снова залез в НАЗ: кажется, в военной авиации не хватало теперь не только топлива, но и ума у служб обеспечения – приложив немалые усилия, он с трудом извлек круглую банку – на ощупь с тушенкой из обыкновенного сухая, на самом деле что-то похожее на перечницу, начиненную желтоватым, легковесным порошком. И хватило ума понюхать – от чиха чуть МИГаря не опрокинул: когда прочитал этикетку, оказалось, что это средство от собак, чтобы не могли идти по следу, грубо говоря, табачная или хрен знает какая пыль. Вероятно, этот НАЗ собирали по специальному приказу, на все случаи жизни, но только не для того, чтобы перекусить в дороге сутки не жравшему летчику. Подобные ограбления были в порядке вещей, но обычно, еще по старой, советской традиции, сверху в «малямбах» лежали шоколад, сахар, консервированная курица, сало, масло, прессованные хлебцы и даже спирт в жестяных банках.

Грабить НАЗ в состоянии невесомости было и хорошо и плохо: все-таки нельзя сильно увлекаться добычей пищи и оставлять без внимания приборы управления – так недолго потерять бдительность, чувство времени и навернуться. Но в мешке было что-то соблазнительное, по крайней мере, рука нащупывала краешки каких-то банок и пакетов, но из-за оружия, вложенного сверху идиотом из службы обеспечения, никак не удавалось выскрести или зацепить что-либо. Правда, этот идиот знал, как грабят запасы в полете, потому и запихал автомат сверху, однако ему и в голову не приходило, что в мешок можно проникнуть с помощью фигур высшего пилотажа и почти свободного падения. Но у каждой службы были свои секреты, трудности создавались специально, иначе вечно голодные пилоты, особенно холостые, давно бы объели ВВС страны.

Шабанов вскрыл рыбью печеньку и стал есть бережно, руками, хотя знал, что в НЗ должна быть ложка; и не из жадности или голода – урони крошку в этой тесной и нежнейшей машине, так что-нибудь непременно замкнет, отключится, заклинит и послужит причиной сбоя или даже катастрофы. Не кабина боевого истребителя – стерильная операционная.

В смеси с несладким печеньем получалось ничего, и в какой-то момент, увлекшись пищей, он ощутил себя превосходно даже без кислородной маски. Наконец-то исчезли или скрасились неприятные запахи в кабине. Правда, чуть пощипывало разбитые губы – вчерашняя стычка, однако на высоте даже полутора тысяч метров все земные проблемы остались так же далеко, тем более грела мысль, что он летит в страну, куда человечество искало пути, по крайней мере, полторы тысячи лет, то есть на протяжении почти всей христианской истории.

Доедая паштет, он неожиданно увидел на экране локатора звезду, мерцающую прямо по курсу – возможно, встречный самолет, судя по огромной скорости приближения, и машинально увел машину на десять градусов влево, разминулся по приборам и, закончив трапезу, спрятал банку в карман.

И едва угнездился в кресле, проверив ремни, как светящийся предмет – крупная вечерняя звезда вновь оказалась на курсе, видимая теперь уже визуально. И выглядела она странно-ярко на фоне светлого еще неба. И была скорее всего не самолетом, а зондом, отпущенным метеорологами, но и с ним сталкиваться не было никакой охоты, потому Герман резко подпрыгнул вверх на триста метров и оставил этот шарик позади.

Однако спустя минуту шарик снова появился, теперь справа, и стремительно пошел на сближение, будто атаковал! В тот миг Шабанов вспомнил историю, произошедшую с товарищем Жуковым, и напрягся, готовый совершить любой вираж и уйти, но шар внезапно расплющился, стал похож на желтую тыкву, когда от спелости она начинает светиться изнутри.

И вот этот огородный овощ, бог весть как попавший на такую высоту, медленно подплыл к кабине и полетел рядышком. Размерами он был метра четыре в диаметре, поверхность плотная, во всяком случае, не сгусток светящегося газа, натуральный предмет, и если бы сейчас это

был просто учебный полет, то Герман обязан был доложить, что видит неопознанный летающий объект, описать его и ждать команды. Пилотов наконец-то стали заставлять делать это, а не тащить после посадки в госпиталь для обследования психического здоровья.

– Привет инопланетянам! – сказал он. – К сожалению, нам не по пути! Прощайте, братья по разуму!

И резко отвалил в сторону, подпрыгнув еще на сотню метров. Он запихал пустую банку и остатки раскрошенного печенья в карман, после чего закрыл замок и вставил чеку НАЗа. Потом, сняв обертку с прессованного компота, отгрыз кусочек, вяжущий рот, как черемуха, – сразу пахло детством и родными местами, однако смаковать и погружаться в воспоминания не дали. Желтая тыква подплыла теперь слева и в буквальном смысле прилипла своим боком к фонарю, заслонив видимость.

– Нет, ребята, это слишком! Сегодня всякие контакты отменяются, я на работе! У меня другая задача!

Шабанов надел маску, опустил стекло гермошлема, взял ручку на себя и потянул на заданные двадцать восемь тысяч, куда ничто уже не долетало из-за мороза в восемьдесят градусов и где, имея бортовую «принцессу», можно не признавать воздушных коридоров и не бояться строгого слежения с земли.

Вот где была воля!

И снова ощутил все прелести перегрузки, побряхтел, постонал, поматерился мысленно и вздохнул облегченно, когда достиг скорости и подписанной высоты. На экране было пусто, в пространстве – тоже, и потянулись скучные минуты вольного полета в безмолвном эфире: по Монголии ездили на лошадях, а в воздухе над ней, кажется, вообще никто не летал.

Судя по расстоянию, оставленному за хвостом, приближался Алтуп – скорость в МИГаре понятие относительное...

Герман выключил прибор невидимости, запросил посадку, встал на радиопривод и через пару минут уже катился по бетонке с распушенным хвостом – тормозным парашютом. Согласно инструкции, он не имел права покидать кабину, потому поздний и обильный ужин запросил на борт и теперь, сдвинув фонарь, дышал вольным, чистым воздухом – самолет загнали на дальнюю стоянку, – ждал, когда соотечественники и монгольские братья заправят и обслужат «левую» машину, с удовольствием и тигриным аппетитом пожирал какое-то мясо с овощами и еще с чем-то, что в темноте не разглядеть. Пицца была тоже левая, наверняка из солдатской столовой, не совсем прожаренная, и потому самую лучшую косточку он догрызть не успел. В кабину засунулся русский техник (а может, и сам секретный резидент, обеспечивающий перелет), сказал полупшепотом:

– Полный порядок, запускайся и выруливай без команды.

Шабанов отдал ему судки из-под ужина, однако недоеденную косточку завернул в пакет и спрятал в карман.

– Ну, тогда – хоп!

И опять взлетел в ночное, непроглядное от туч небо. Пробив сплошную облачность и оказавшись под звездами, он положил машину на курс, включил «принцессу» несколько раньше, чем полагалось, – резко исчезать с экранов локаторов, пусть и гражданских, – значит, вызвать тревогу или подозрения – и решил довершить начатый ужин, а уж потом забираться в ледяную синеву. Он благополучно догрыз косточку, засунул ее в карман и напился: аккуратные и запасливые пустынные жители – монголы заправили питьевой бачок. И внезапно опять увидел летающую тыкву!

Она неспешно выписала круг перед МИГарем, скользнула вниз и, почти касаясь обшивки, проплыла к хвостовому оперению и там застряла. Тут уж стало не до разговоров с мнимыми инопланетянами, отчего-то детский знобящий страх охолодил затылок и стянул кожу на макушке.

Шабанов опустил стекло гермошлема и закричал от перегрузки – так легче переносилась тяжесть в теле. Не зря рожениц заставляют кричать...

Через двадцать секунд взгляд, привыкший постоянно считывать показания приборов, вдруг зацепился за бортовой компас.

Взлетая с бывшего советского аэродрома в Алтупе, Шабанов взял курс строго на юг, на Гуйсан, а тут обнаружил, что летит в обратную сторону, то есть на север – на Орог. Не веря такому чуду, протестировал исправность прибора, убрал тягу и сделал боевой разворот. Маршрут был абсолютно новым, неизведанным, и все равно подобного просто быть не могло, даже если учесть, что увлекся ограблением НАЗа. Естественно, он не засек время, сколько летел обратным курсом, посчитал, что минут пять, и чтобы исправить положение, запросил собственные координаты через спутниковую систему ГПС – автоматическую службу космической ориентации, короче, круиз-контроль в земном понимании, и через минуту получил подтверждение, что движется в пространстве куда надо с незначительным отклонением.

Пересечение рубежей следовало проводить на должной высоте, то есть на условленных двадцати восьми тысячах, и Шабанов, подбросив газу, взял ручку на себя. МИГарь был хорошо обкатанным, новые движки тянули отлично, и вообще машина ему нравилась, если бы, конечно, не запах в кабине, от которого спасала лишь кислородная маска. Через две-три минуты, не будь «принцессы», его должны были обнаружить наши локаторщики ПВО, оставленные в Монголии, затем китайцы, однако небольшой по размерам прибор укрывал его так надежно, что земля хранила полное молчание. Шабанов включил станцию и стал слушать эфир: что там говорят доблестные защитники воздушных рубежей?

Минуты эти проскочили быстро, зарево заката угасло, и небо заискрилось от крупных звезд – земля молчала: похоже, противовоздушный щит дружественных стран был дырявым как решето. Герман выдержал паузу еще в пять минут и вышел в эфир. Грубо дразнить этих гусей было небезопасно, поэтому он схулиганил осторожно, не раскрыв своего позывного, поприветствовал доблестных и недремлющих стражей мирного неба на английском – пусть поломают головы!

Стражи не отвечали, возможно, потому, что в тот час начиналась гроза – огненные сполохи высвечивали поверхность туч, иногда надолго зажигая негаснущие, как дуговая сварка, молнии. На земле шел дождь, а здесь, под звездами, было минус шестьдесят два. Перед тем как войти в коридор и махнуть через китайское воздушное пространство, он еще раз сверил курс с «круиз-контролем» и, удовлетворенный, расслабился. До гражданского аэродрома в Гуйсане оставалось час двадцать две минуты, а топлива еще на час сорок две, так что полет в обратную сторону обошелся безболезненно.

Дружественная и невоинственная Монголия, укрытая облаками, пасла своих лошадей и овец на свежей зелени, и было ей наплевать, кто там над ней летит; китайцы все поголовно спали в своих фанзах, и им снились вкусный рис, Конфуций и Великая Китайская стена. С земли не доносилось ни звука, эфир казался чистым и непорочным, как строгая дева на выданье. Скоро гроза осталась позади, внизу немного развиднелось, однако в малонаселенных перевозданных степях не было ни огонька – одно удовольствие лететь над спящими самодостаточными странами.

Шабанов летел по прямой и отдыхал над страной овец и резвых скакунов, однако, перейдя условную границу Монголии, начал делать первые петли. Мудрые китайцы, видимо, следовали древней истине, что прямой путь не всегда бывает самым коротким, и задавали коридоры более чем странные. Желтые братья давали коридор над своей территорией для перегона авиатехники и даже гарантировали заправку в воздухе, однако Шабанов был предупрежден: ни под каким предлогом не принимать помощи ни в каком виде, не отвечать на возможные провокации, а двигать своим курсом, ни на что не обращать внимания и не выключать «принцессу». Даже если рядом появятся самолеты сопровождения и начнут диктовать новые условия полета

или вовсе попытаются посадить. Герману не объяснили логику такого поведения китайских властей, но скорее всего она в подобных действиях присутствовала. Восток – дело тонкое...

А посадка и дозаправка только в Гуйсане, в особом, Тибетском автономном районе, где есть какие-то договоренности, такие же люди, как в Алтупе, и где, по уверению маркитанта из Росвооружения, никто не посмеет пальцем тронуть.

По другим маршрутам вообще можно было схлопотать «стингера» в задницу...

Если бы не эти заячьи скачки, топлива хватило бы до места и не было нужды еще раз садиться. После семидесяти минут полета он снизил машину до девяти тысяч метров, выключил «принцессу» и стал повторять мысленно фразы на китайском – его МИГ уже должен был появиться на экранах гражданских локаторщиков Гуйсана, где ситуацию контролирует свой человек.

Прошло три минуты, пять, восемь – земля не хотела говорить ни на русском, ни на другом языке. Внизу справа проплыли огни Бат-Арла – населенного пункта, лежащего почти точно по курсу, и, отметив его по времени, Герман решил еще раз проверить точность маршрута: через три с половиной минуты на горизонте должны возникнуть огни Орум-Па. И они возникли – значит, все правильно! Теперь доворот на пятнадцать градусов и он выходит точно на Гуйсан.

А он молчит! И становится смешно и тревожно...

Ладно, пропустили ПВОшники из-за грозы, но где наш человек, отвечающий за прием на земле?

И где сам Гуйсан?..

Герман во второй раз сделал поправку на пять минут по расчетному времени, однако гражданский аэродром так и не объявился. Эфир по-прежнему хранил свою девственность...

Еще через полторы минуты Шабанов уже был над территорией сопредельного государства, если верить расчетам бортового компьютера. Он-то не врет! Считает себе своими электронными мозгами и считает, и ему все равно, что ты чувствуешь.

Надо было выходить из коридора, ведущего в никуда, и снижаться: ему вдруг пришло в голову, что внизу, возможно, сплошная облачность и потому не видно огней, а тучи в ночном полете имеют обманчивую форму. Герман уронил машину почти в пикирующий полет до состояния невесомости – хоть снова принимайся грабить НАЗ – и чем ниже падал, тем явственнее ощущал, что небо здесь чистое, безоблачное и что под ним действительно открытая земля, только темная, необжитая, чего быть не могло! На высоте полутора тысяч он вывел машину в горизонтальное положение и заложил круг.

В Тибетском автономном районе словно все вымерло, как и во всей древней восточной цивилизации. При свете звезд он увидел под собой морщинистый горный кряж, покрытый редкой хвойной тайгой. Нечто подобное было на севере Китая, на Монгольском Алтае, в районах, примыкающих к Читинской области и Казахстану, да, пожалуй, и в предгорьях Тибета (никогда там не летал); по его же курсу сейчас должен быть совершенно иной рельеф и ярко выраженная пустынная растительность – саксаул, например, верблюжья колючка и сами верблюды...

В третий раз Шабанов запросил координаты по «круиз-контролю» и, когда получил на компьютере данные своего местонахождения, не поверил глазам своим: специальный спутник, висящий в космосе, отбивал координаты, точно соответствующие положению Гуйсана.

Но почему тогда внизу лес? Горный кряж?

Между тем топлива в баках оставалось на семь минут полета. Эфир по-прежнему молчал, но вдруг заговорила «Рита» – прибор, приятным женским голосом рассказывающий о неисправностях бортовых систем. Нет, вернее, не заговорила, а начала бредить, поскольку если ее послушать – выходит, оба двигателя вышли из строя, отказала система навигации, контроля, и вообще на самолете давно начался пожар.

Причем несла эту чушь в эфир!

Ее страстная, эротическая речь вдруг стала успокаивать Шабанова. Он видел, что машина в порядке, не дымит, не мигает, и если что отказало – то сама «Рита»...

И при этом до гибели оставались считанные минуты...

Подобная оплошность была для комэска капитана Шабанова не просто трагичной – фатальной, ибо грозила полной дисквалификацией и ставила жирную точку в его летной карьере: почти новый, прошедший специальную подготовку и проданный уже МИГарь был оборудован «принцессой» – изделием сверхсекретным, что автоматически утраивает спрос во всех инстанциях от командира полка и маркитантов из Росвооружения до особого отдела и военной прокуратуры. Эти придворные, желая выслужиться перед высокородной дамой, в ключья порвут...

Шабанов снизился до четырехсот метров, в надежде увидеть какую-нибудь дорогу с твердым покрытием, однако время побежало стремительно, а земная хлябь внизу по-прежнему была непорочной, как после всемирного потопа. Не было смысла заламывать круги; Герман вел погибающую машину по прямой, краем глаза отслеживая приборы, и когда датчик топлива показал нуль, ошупью нашел ручку катапульты между ног и стал ждать мгновения, когда начнет падать тяга одного из двигателей.

– Прощай, товарищ! – погладил ручку, послушал бред, который несла «Рита». – Ты был хороший самолет. А бабу эту не слушай, врет...

В тот миг он не жалел ни машины, ни дорогостоящей секретной «принцессы», ни даже собственной карьеры; в голове сидела единственная, унижающая его достоинство и уничижительная мысль, что он никогда не добудет бенгальского тигра, точнее, его шкуру, обещанную женщине словом собственной чести...

1

С Магуль Шабанов познакомился за два месяца до этого злосчастного полета. Пришел на почту, чтобы отправить матери денежный перевод, и в сводчатом, низком окошечке, вырезанном в матовом стекле, увидел тоненькие пальчики, считающие купюры. Сначала он влюбился в них, поскольку никогда не видел ничего подобного: бледные, почти бескровные, они так нежно касались денег, так невозмутимо перелистывали пачку пятидесятирублевых, что он угадал в них родственную натуру.

– Девушка, а что вы делаете вечером? – совсем банально спросил он, не видя ее лица.

В ответ последовала тишина, а сзади теснили пожилые граждане, жаждущие получить пенсию. Так что Германа буквально отогнали от окошка и не дали склониться, чтобы в амбразуре увидеть ее лицо. Выйдя из здания почты, он побродил возле офицерской гостиницы, где проживал эти два месяца, после чего во второй раз сделал попытку знакомства. В военном городке Пикулино к тому времени Шабанов знал всех свободных женщин, включая разведенных и покинутых, однако, точно, эти пальчики ему были не знакомы. А всякую новенькую барышню в городке требовалось брать сразу и чуть ли не силой, чтобы не упустить, ибо охотников вокруг было множество. Безлошадный из-за нехватки топлива полк истребительной авиации сходил с ума от тоски и безработицы. Каждое утро по часам напрочь заземленные пилоты собирались на командном пункте, чего-то ждали, и в результате, выслушав привычные слова виноватого командира, брели на опостылевший тренажер, после чего, у кого имелся свой транспорт, отправлялись в Читу за товаром или разбредались по рабочим точкам: большинство летчиков торговали на рынке в близлежащем городе Заборске, стоящем на древних купеческих путях. Топлива на ближайшую пятилетку не ожидалось, и вся надежда была на Росвооружение, активно продававшее самолеты по всей Юго-Восточной Азии и еще черт-те где. Гордость ВВС сузилась до перегона авиатехники в развивающиеся страны, и полк выполнял задачи, далекие от защиты воздушных рубежей Отечества.

Шабанова в буквальном смысле сослали в Забайкальский военный округ, как когда-то ссылали на Кавказ, за действия, недостойные звания офицера Российской армии; иными словами, за попытку возродить старые, порочные традиции.

Герман сразу же после академии получил низшую должность – служил в Подмосковье командиром звена перехватчиков: выпускников не знали, куда пристроить, и майоров пихали на места старших лейтенантов. Он бы мог смириться и с таким положением, понимая, что надо продержаться в кадрах еще несколько лет, пока не изменится отношение политиков и власти к собственной стране. А оно обязательно изменится, ибо предательство никогда не продолжается долго. Он отлично понимал, что пока не схлынет это мутное половодье с России и к власти не придет государственный, в армии не будет ни боеприпасов, ни топлива. Он был согласен терпеть все, как многие офицеры, кроме одного – личного унижения. За полгода службы он поднялся в воздух единственный раз, и то на учебно-тренировочной спарке. Чтобы выжить, пилоты гоняли на своих автомобилях в Москву за товаром, а потом торговали на местных рынках. Служба состояла из занятий на тренажерах и техобслуживании самолетов – техников попросту сократили вдвое. Нелетающие машины, как нежилые дома, старели и разрушались на глазах и требовали постоянного ремонта.

И вот однажды в часть приехал депутат Госдумы, бывший старший лейтенант-политработник и бывший начальник клуба Федотовской воздушной дивизии, ныне управляющий всеми реформами в армии. Всех, кто был под руками, срочно собрали в гарнизонном Доме офицеров, и промерзшие, краснорукие и красномордые от ветра пилоты как ползали возле самолетов в замызганных, рваных робах, так и пришли на встречу. Галерка оказалась занятой, оставались места в первом ряду, и все равно, отогревшись в тепле, все начали откровенно дре-

мать во время выступления. И вот этот бледнолицый, шизофренического вида депутат вдруг заговорил об офицерской чести, дескать, опустились, неуважение и так далее. Шабанов особенно не вникал в его речи, поскольку был злой, что оторвали от работы – две машины из трех попросту было нельзя поднимать в воздух, а этот бывший завклубом, заикаясь и дергаясь, как юродивый, молотит что-то, вроде бы стыдит и на него смотрит.

– Тебе чего? – проснувшись, спросил Шабанов. Тут из депутата и полезло – не так сидишь, не так свистишь и вообще, кто такой. Герман оглянулся – командиры молчат, подчиненные дремлют, – отвернулся и тоже уснул. Когда встреча закончилась и все побрели по своим местам, этот реформатор вооруженных сил вдруг остановил Шабанова и снова стал приставать – теперь относительно его внешнего вида и полусонного состояния.

– Да иди ты в звезду! – отмахнулся Герман и пошел.

Депутат и на сей раз не отстал, догнал его возле выхода и уже белый от непонятной ненависти, с перекошенным от заикания лицом и открытым ртом, силился сказать что-то гневное и при этом пристукивал ногой – Шабанов не дождался и врезал ему по челюсти. Потом он никак не мог объяснить причину своего поведения, ни себе, ни командирам, ни в военной прокуратуре, где сначала возбудили и потом прикрыли уголовное дело. Германа судили офицерским судом, разжаловали в капитаны, лишили очереди на жилье, отстранили от несуществующих полетов на три месяца, а по неустанным депутатским запросам отправили в Пикулино.

Тогда Шабанов и понял одну простую истину: дело было не в керосине. Этого дерьма в империи хоть залейся.

Герман встретил Магуль на почте и потом шутил, что ее в буквальном смысле послал Бог заказной посылкой. Несмотря на отсутствие топлива, здесь стабильно выплачивали зарплату – говорили, что американцы выделяют на это специальные средства, только чтобы летчики не летали, стрелки не стреляли, а командиры не командовали. Шабанов приехал в часть с неоплаченным аттестатом денежного довольствия и тут, получив зарплату за пять прошлых месяцев, на радостях побежал отправлять перевод родителям в Тверскую область.

И увидел в стеклянной амбразуре тоненькие, просвечивающиеся пальчики с перламутровыми ноготками.

Побродив вокруг полупьяной гостиницы, Герман вернулся на почту и, выстояв небольшую очередь, теперь уже чуть ли не засунул в окошечко. И увидел Магуль во всей красе: ростом она была около двух метров, ноги в буквальном смысле росли из коренных зубов, однако черные волосы и горбатый, большой нос говорили о ее кавказском происхождении. Лицо, как и пальчики, оказалось длинным, тонким и бледным, а в совокупности с огромными глазами буквально очаровало его. Конечно, это была не девушка – необъезженная лошадь, дикая кобылица со скрытым, огненным темпераментом, готовая в любой момент сбросить даже самого опытного наездника. А по национальности Магуль оказалась абхазкой.

– Герман-ибн-Шабан! – представился он. Дело в том, что за год до принудительной смены места службы они с прежним товарищем по полку решили поехать в отпуск на Кавказ, опять же подпольно, ибо из Адлера в Абхазию можно было добраться лишь на личном транспорте, вручив небольшую взятку пограничникам. Они наняли извозчика-абхаза, дали ему денег и рванули в сопредельное государство на свой страх и риск, поскольку товарищ уверял, что нет лучше отдыха, чем в Пицунде, где проживание, пища и вино стоят копейки из-за объявленной экономической блокады против этого государства.

Все было так на самом деле. Высокие, белолицые и носатые женщины, по утрам спускавшиеся с гор, приносили замечательное и дешевое вино, старик-абхаз брал по доллару в день за отдельную комнату и трехразовое питание, а купаться в море и загорать вообще можно было бесплатно с утра до вечера. Квартирный хозяин тогда и объяснил, что фамилия Шабанов – кавказская, княжеская, уважаемая и ему можно остаться и жить здесь красиво и богато за одну лишь принадлежность к знатному роду. Герман с приятелем над этим посмеялись, поскольку

в Тверской да и соседних областях мужиков с такими фамилиями было как собак нерезаных. Однако даже не зная о его «княжеском» достоинстве, все встречающиеся абхазы вежливо приветствовали русских и всегда говорили добрые, совсем не обоснованные слова, поскольку правительство России включилось в поддержку блокады. Шабанову было стыдно перед местными, и чаще всего он отворачивался и стремился пробежать мимо, когда с ним заговаривали абхазы. Любовь к русским у них была странная, непривычная и, как теплое море, совершенно бесплатная – купайся, сколько влезет. И женщины здесь были потрясающе покорные, и когда Герман со своим сослуживцем, по утрам бегая за вином на местный рынок, начинали завлекать молодых горняков, они опускали глаза и произносили одно слово:

– Пхашароп.

То же самое они слышали и на улицах, когда выбирались вечерами прошвырнуться по курортному городку с надеждой завести знакомство. Это слово сначала показалось чем-то вроде отказа, мол, не приставай, не положено при всей любви к русским и России. Выговаривая его, абхазские городские девушки, как и те, что спускались с гор, нагруженные бурдюками с вином, одинаково клонили взгляд долу, но не уходили – стояли и чего-то ждали. После нескольких странных, смущенных неудач Герман сделал новый перевод: «Я согласна!» Или: «Возьми меня!» Чтобы удостовериться, он разыскал своего квартирного хозяина и спросил, что такое «пхашароп».

– Стыдно, – перевел тот.

И Шабанов почему-то тоже стало пхашароп по полной программе.

Через десять дней полновесного, ни с чем не сравнимого отдыха к Герману пришел цивилизованный горец и предложил пойти служить в ВВС Абхазии. Служба у них работала, выяснили, кто приехал на отдых. Он сказал, что есть несколько учебно-тренировочных самолетов, но нет опытных пилотов, а надо патрулировать морскую границу, поскольку в территориальных водах царил полный беспредел. Пообещал в тот же день выплатить хорошие деньги и на выбор подарить дома на берегу Черного моря. Причем не требовалось продавать или предавать Родину, увольняться из Российской армии – все согласовывалось на высшем уровне. В ту пору бездомный, почти безработный из-за отсутствия топлива в империи, Шабанов вначале растерялся, а потом чуть не согласился. А смутило в последний момент то обстоятельство, что у абхазских ополченцев служили головорезы из чеченской банды Басаева, и выходило – стоять придется с ними в одном строю.

До двух ночи Герман простоял у почтовой амбразуры и был наконец-то впущен за стеклянный барьер. В самый ответственный момент, когда он уже распустил крылья и стал вычерчивать вокруг кавказской красавицы графику любовного танца, в отделение связи явился маленький, но такой же черноглазый горец, и Магуль мгновенно потухла.

Шабанов был готов драться, однако ее соотечественник обронил несколько фраз на абхазском, окинул кинжальным взглядом Германа и, не спеша, удалился. Оказалось, что Магуль живет в военном городке не одна – с тремя братьями, и все они приехали сюда заниматься бизнесом – торговать в купеческом Заборске фруктами, которые, несмотря на блокаду, каким-то образом вывозятся из Абхазии. Оказывается, Россия давно поделена Кавказом на зоны своих экономических интересов, и семье Магуль достался этот сибирский регион, где ее братья – полные хозяева местного фруктового рынка. И сразу стало понятно, почему возле восточной невесты нет рядом ни одного жениха. Ему бы тоже следовало отскочить, но не позволил характер, и Шабанов уже чувствовал себя лермонтовским героем. Кроме того, выяснилось, что братья Магуль уехали на своем «КамАЗе» в Читу за яблоками и грушами – пришел контейнер, и вернутся не раньше, чем к вечеру. В восемь часов утра «Бела» сдала смену, и Герман увязался проводить ее домой. Только встав с ней рядом, он увидел разницу в росте – выше на полголовы! – но не смутился и продефелировал через весь военный городок в старый поселок, где абхазцы снимали дом. Естественно, напросился на чай, хотя пора было идти на службу,

но в полк топливо так и не завезли, потому с пилотов строгой явки не требовали: пришел – хорошо, не пришел – тоже неплохо...

Чай как-то незаметно перешел в винопитие, причем Магуль достала настоящий бурдюк и нацеживала в стакан через трубку, с бережностью и любовью, однако сама даже не притронулась к вину. А завеселевший, впавший в ностальгию по отдыху в Пицунде Герман двинулся на штурм кавказской крепости. Сибирь никак не изменила характера восточной девушки; она покорно позволила раздеть себя, уложить в постель, но едва Шабанов к ней прикоснулся – сжалась в комок и произнесла ритуальное слово:

– Пхашароп.

И стала ледяная.

Промучившись до обеда, Герман допил вино из бурдюка и ушел на службу.

Пикулино, как все военные городки, был совершенно прозрачным, хуже всякой деревни: всем, включая командира полка, наверняка уже было известно, где и как провел ночь и все остальное время недавно прибывший для дальнейшего прохождения службы командир наземной, нелетающей эскадрильи, разжалованный из майоров в капитаны Шабанов.

Зам по воспитательной работе, проще говоря, политрук пригласил к себе и сказал определенно:

– Хочешь жить – забудь дорогу в отделение связи.

– Я матери перевод посылал, – сказал Герман. – У старушки учительская пенсия.

– В следующий раз дашь деньги – сам пошлю.

– Пхашароп, товарищ майор.

Ему откуда-то был известен перевод этого слова.

– Ничего, я через пхашароп могу переступить.

– А что так?

– Да зарежут тебя. Проснешься утром, а голова в тумбочке.

– Понял, – козырнул Шабанов, трезвея, и ушел.

Ближе к вечеру в классе матбазы его выловил начальник особого отдела Заховай и заманил к себе.

– Хреново ты службу начинаешь, капитан, – проговорил он, тасуя бумаги на столе. – А ведь академию закончил, говорят, летчик от Бога.

– От Бога, – согласился Герман. – Только не летал давно, Бог топлива не дает.

– Будет тебе топливо, – прозрачно намекнул Заховай. – У нас есть на тебя виды... Только не суйся больше на почту.

– А что так? – снова спросил Шабанов и услышал иную версию.

– Объясняю. Барышня в окошке посажена своими братьями, чтоб замуж выдать, желательно – за старшего офицера.

– Правильное дело. А куда еще посадить красный товар? Она там как на витрине...

– Наживка как раз по тебе, хоть и разжаловали. Ты у нас академик... Только где служить хочешь: в России или Абхазии?

– Где топливо есть.

– Не валяй дурака, Шабанов. Женят и отправят к себе на родину. Они все еще мечтают создать ВВС.

– А чего бы им не помочь? Они русских любят, к России хотят присоединиться. У них там тепло и море есть. А какие дома!.. Вы там не были, товарищ подполковник? Жаль, есть на что посмотреть...

– Надеюсь, ты все понял? – спросил Заховай. – Доложат, что заходил на почту – накажу.

Когда Герман вернулся в офицерскую общагу и поделился впечатлениями о Захове с однокашником по СВУ и теперешним соседом товарищем Жуковым, таким же опальным пилотом, списанным на землю и усаженным на командный пункт, в ответ услышал неутешительное:

– Если Заховай сел на хвост – службы не будет. Лучше сразу рапорт на перевод. Захováет куда-нибудь или вовсе захáváет.

Но не сбылось его предсказание, а вышло все как раз наоборот: начальник особого отдела части и в самом деле имел на него виды, поскольку Шабанов оказался единственным пилотом в полку, имеющим все формы допусков к полетам, в том числе и за рубеж, владел всеми типами машин истребительной и фронтовой авиации и имел самый большой налет часов. А незадолго до этого в Иркутске наворачнулся «Антей», упал на жилые кварталы и спалился не только сам – сгорел груз, три демонтированные СУшки, которые везли во Вьетнам. За самолеты уже было заплачено, и теперь братскому народу следовало доставить товар своим ходом. Штурмовики пригнали откуда-то из европейской части и поставили на аэродроме под чехлы, и вот тогда командир полка Ужнин сформировал три экипажа. Ведущим назначил себя; своего зама по летной подготовке и Шабанова – ведомыми. Топливо нашлось не только для перегона, но и для тренировочного полета, так что СУшки перед дальней дорогой хорошенько облетали и вскоре отправились в путь. Первая заправка была в Монголии, вторая в небе над какой-то китайской провинцией – восточные братья предоставили и коридор, и самолет-заправщик. Правда, услуги эти влетали в копеечку, однако рынок диктовал свои условия; убытки, и так непомерные после гибели «Антея» с грузом, лишь увеличивались, бизнес приобретал ярко выраженную национальную окраску.

Товар благополучно передали Вьетнаму, назад вернулись пассажирским самолетом. Ужнин остался доволен новым командиром эскадрильи, и когда спустя пару недель на стоянке появились два «чужих» МИГаря, у него не было вопросов, кто погонит их в Таиланд. Потом были командировки отдельно в Монголию и Китай – одним словом, авиаполк постепенно превращался в перевалочную базу Росвооружения, и, наконец, во время очередного собеседования у Заховая, тот вдруг откровенно и цинично сообщил, почему Шабанова законопатили в ссылку в Забайкалье: требовался опытный пилот со всеми допусками именно для перегона самолетов в страны Юго-Восточной Азии. Так что крутая расправа с ним была умышленной – чтоб сопел в тряпочку и радовался, что остался в армии, да еще и летает. Откровенность особиста была тоже не случайной, прошупывал, проверял, какова будет реакция, не обидится ли, не свинтит ли куда-нибудь за пазуху к вероятному противнику, получив для перегона самолет с секретной начинкой? Гоняли-то пока серийные машины, без особых наворотов...

Должно быть, Герман проверки прошел успешно, поскольку самой судьбой приговоренный вечно прозябать в общаге, он вдруг получил квартиру в командирском доме – двухкомнатную на одного, с мебелью и с видом на седые забайкальские сопки. Заховай жил тут же, этажом ниже – знать, он руку приложил, чтобы держать Шабанова под полным контролем, и мало того, у соседа-особиста оказалось две дочки, с которыми Герман познакомился в первый же день, не зная того, чьи они. Старшую звали Настя, а младшую именем редким – Ульяна. А когда обнаружилось, кто их папа, стало вдруг ясно, почему Заховай с такой категоричностью запрещал ему встречаться с Магуль и вообще заходить на почту: свой товар, прямо сказать, прокисает, обеим за двадцать четыре, при этом не дурны вовсе, но очень уж похожи на папу, если приглядеться. Женихов в Пикулино пруд пруди, но хорошие приезжали сюда уже с семьями, а балбесов после училища папашке, да и дочкам тоже, не надо, подыскивали приличные партии. Наверное, Шабанов показался Заховая именно таким, но он еще не знал, что опальный капитан из Московского военного округа никакого насилия над собой терпеть не мог. И потому на следующий же вечер Герман выманил с почты Магуль и под видом прогулки, без всякой подготовки привел ее в новую квартиру.

Несмотря на запрет, он встречался с «Белой» почти каждый день, а когда братья ее уезжали за очередным контейнером в Читу, навевался в дом, пил вино из бурдюка, раздевал покорную кавказскую пленницу, укладывал в постель, но всякий раз случался «пхашароп» и Герман уходил несолоно хлебавши. Братьев своих она боялась до смерти и начинала тря-

стись, если кто из них неожиданно подъезжал к дому, когда там сидел Шабанов. В первый раз пришлось долго прятаться в кладовой между ящиками с фруктами, во второй – катапультировался через окно, благо что на дворе стояла теплая весна и зимние рамы вытащили. В последний раз, когда произошел очередной «пхашароп», он сказал Магуль, что больше не придет. И не приходил недели две. Если бы не дочери Заховая, пожалуй, сдержал бы слово, но тут заело!

Магуль украдкой осмотрела квартиру, потупив взор вошла в спальню и вдруг сама стала раздеваться. Шабанов стоял в дверном проеме и, ощущая мстительное чувство, наблюдал с молчаливой усмешкой. Когда кавказская пленница сняла белье, он словно впервые увидел ее обнаженной. И оказалось, что фигура у нее подростковая, нескладная и совсем не красивая – где глаза были раньше! Магуль легла на постель и приспустила веки.

– Пхашароп, – с удовольствием сказал Герман. – Одевайся и уходи. Я пригласил, чтобы посмотрела квартиру.

На ее белом лице ни один мускул не дрогнул, и Шабанов понял, что ему никогда не понять души кавказской женщины. Не дано! Другая психология, совершенно иные нравы, чужая цивилизация. Наша девица в аналогичной ситуации такое бы устроила – весь командирский дом встал бы на уши, а нижний сосед Заховай пожалел бы, что пригрел опального капитана.

Когда Магуль ушла, Герману стало стыдно и он сел делать то, чего не делал, пожалуй, со школьной скамьи – писать девушке письмо. Не любовное, скорее – покаянное. И так расписался, что не хватило двух страниц: тянуло рассказать о своей судьбе и тяжелом характере, из-за которого вот уже двадцать девять лет страдает, и чувствовал себя счастливым только в детстве, в родной деревне, куда и мечтает когда-нибудь вернуться. Жить ему давным-давно надоело, и, что он ни делает в жизни, – все из чистого самолюбия и крайнего эгоизма. А это плохо, когда такие чувства становятся двигателем самой жизни, когда не крылья тебя несут от беспричинного восторга и радости, а брызжет из души реактивная струя и тянет куда-то в пространство.

Тоску эту Шабанов испытывал давно, и причиной ее была не ссылка, не наказание; в какой-то момент он достиг всего, чего хотел, и стало неинтересно. Правда, впереди еще маячили некие мутные очертания целей – освоить профессию летчика-испытателя, попасть в отряд космонавтов, однако подобные ступени до душевного трепета манят в юности. А когда тебе вот-вот будет тридцатник, появляется сомнение: а добавят ли они что к общему и уже устоявшемуся вкусу жизни?

Даже в космосе стало скучно, не говоря про нудную, однообразную планиду испытателя.

Ему все последние пять лет хотелось вернуться в детство, на берег Пожни, под цветущую, а потом зреющую черемуху или еще раз совершить свой первый полет с крыши дома, используя вместо крыльев старенький материн тулупчик. Ну и что, что в шесть лет не удалось оторваться от земли, а, махая овчинными полами, теряя валенки и шапку, будто перья, врубиться головой в сугроб? Вот сейчас, в зрелом возрасте, обязательно бы получилось! С помощью того же тулупчика...

Или снять с чердака махолет, созданный вместе с отцом, смахнуть пыль, расправить крылья и попробовать еще разок раскрутить педалями маховое колесо!

И еще ему хотелось на войну...

За эпистолярным творчеством его и застал Якуб – старший брат Магуль. Тогда он казался нормальным, цивилизованным человеком, разговаривал хоть и резковато, но все-таки не ущемлял достоинства и не угрожал.

– Моя сестра была в твоём доме, – сказал он. – У нас не принято водить девушек в гости. И если мужчина привел девушку – обязан на ней жениться.

– Спасибо за разъяснение национальных традиций, – ухмыльнулся Герман. – В следующий раз учту.

– Учти, пожалуйста. Слово мужчины?

– А то!

Якуб хлопнул его по руке и удалился, а Шабанов дописал письмо, пошел на почту, всунул его в окошечко, где мелькали тоненькие пальчики Магуль, и тотчас же ушел. А на следующий день утром аэродром Пикулино принял два не совсем новых МИГаря без маркировки в документах. Самолеты зачем-то втащили в ангар, опечатали кабины и выставили охрану. Германа сначала вызвал Ужнин, поздравил с новосельем и сказал, чтоб готовился в командировку. Срок вылета не назначил, страну – получателя товара не назвал, да и вообще от этого разговора пахло какой-то секретной операцией.

И нюх не подвел, поскольку в полдень Шабанова пригласил Заховай и как ни в чем не бывало начал подробный инструктаж. Он тоже темнил, куда и когда гнать машину, сославшись, что сам не знает еще, однако в тайны прибывших МИГарей посвятил: они прошли предпродажную подготовку в каком-то научно-производственном объединении, где на них установили приборы, ласково называемые «принцессами». Что это такое, в войсках знали не многие, Герман лишь слышал в академии о существовании такого изделия, тогда еще недоделанного, не обкатанного и безымянного, а оборудовать ими истребители стали всего год назад – в тот самый год, когда в авткатастрофу попала принцесса Диана. Россия почему-то оплакивала ее как национальную героиню, и конструкторы в память обозвали готовый прибор «принцессой».

Поскольку авиаполк занимался рыночной экономикой, то и речь на инструктаже шла в основном о стоимости изделия – а она составляла чуть больше стоимости самого истребителя, и «принцессу» следовало спасать в любом случае чуть ли не ценой собственной жизни. И соответственно держать язык за зубами, потому что за «принцессой» идет самая настоящая охота и не дай боже кто-нибудь, начиная от однополчан и кончая представителями братских, дружественных народов, узнает, что в Пикулино стоят МИГари с этими игрушками. Кто владеет подобными штуками, тому наплевать на ПВО, как, впрочем, и на пилотируемую авиацию противника. Самолет превращался в призрак – видит око, да зуб неймет. Изобретение оказалось настолько эффективно, что американцы сейчас в узел завязываются, чтобы хоть чуть-чуть приподнять таинственную вуаль на лице «принцессы», ибо все их старания в области борьбы с авиацией противника сводятся к нулю.

Старый прожженный особист, мастер тайных дел, имел дурную привычку говорить полупшепотом и в нос, когда сообщал сверхсекретные сведения. Его кабинет, оклеенный изнутри металлизированной пленкой, и без того был глухим, так что терялся всякий звук, а тут еще это простуженное бухтение – Шабанов понял из всего сказанного лишь половину, однако покивал головой, расписался где надо и отправился на следующий инструктаж – к представителю конструктора. Тот и вовсе устроил настоящую презентацию своего детища. С кабины МИГа сняли печати, откинули колпак, и Герман, чуть нюхнув воздух, сначала подумал, что инструктор пообедал в солдатской столовой и его сейчас пучит и мучают газы.

– Как у вас самочувствие? – участливо спросил Шабанов. – Может, отложим смотрины невесты?

– «Принцессы», – с гордостью поправил инструктор. – И не отложим, а приступим немедленно.

Тогда Герман решил, что пилот, пригнавший эту машину, по дороге уделался и спрятал свои подштанники где-то в кабине – иначе что могло так вонять?

– Не обращайтесь внимания на запах, – догадался, в чем суть сомнений, и предупредил наперсник царственной особы. – Прибор покрыт сверху толстым слоем... специального вещества, предохраняющего внутренности от всевозможных воздействий. Одновременно это вещество является взрывчаткой.

– А похоже на... другое вещество, – не сдержался Герман. – По цвету и запаху...

– Молодой человек! – Инструктор был гражданским и, верно, интеллигентным, а то бы уже наорал. – Перед вами образец... технологии будущего. Я вам авторитетно заявляю: ана-

логичные приборы появятся в технически развитых странах через пятнадцать – двадцать лет! «Стелс» в сравнении с этой машиной – фи́га в кармане. Это технологический прорыв в будущее.

– По-моему, так на днях появятся!

– Вы что, шутите?

– Да нет. Вот перегоню самолет в страну назначения – там и появится.

– Ах, вы об этом, – погрузился представитель Главного конструктора. – Да, мы вынуждены продавать изделие. Очень жаль, но... Иначе не сможем выпустить серию и оснастить все наши машины. За пару проданных «принцесс» можно изготовить сотню!.. А потом, продаем в Индию, нашим давним партнерам и верным друзьям...

– Все они теперь – друзья, – совсем по-стариковски проворчал Шабанов, поймав инструктора за язык: проговорился, МИГарь-то в Индию гнать! – Перепродадут в пять раз дороже, третьей стране...

– Не обижайте союзников, молодой человек, – ревниво сказал он и тут же заметил: – Изделие имеет многократную степень защиты. Например, его невозможно переставить без специальных знаний из машины в машину. У каждой «принцессы» собственная индивидуальность, адаптированная к конкретному самолету, к параметрам двигателей. Разборке тоже не подлежит... Так что не советую вам ковыряться в ней, делать попытки заглянуть внутрь.

Сама «принцесса» размерами и формой напоминала автомобильную магнитолу, разве что грубо обмазанную чем-то наподобие сургуча, и была установлена справа под приборами, а ее «глаз» – черная трубка с рубиновой стекляшкой внутри и кабелем в металлической оплетке стояла за перекрестьем прицела, вплотную уткнувшись в лобовое стекло. С машиной ее соединяло мощное крепление и всего один круглый разъем, вероятно, питание, и во время катапультирования эта барышня отстреливалась специальными зарядами, отрывалась по живому, как хвост у ящерицы, если прищемить, и вкупе со своим пристальным «глазом», а также в компании с пилотским креслом, пилотом и НАЗом спасалась из гибнущего самолета. Несмотря на свою нежность, она выдерживала лютый мороз, высокую температуру, сильнейшие удары, воду, попадание топлива и еще черт-те что вплоть до кислотной среды, и всё благодаря своей вонючей обмазке.

– У вас есть вопросы по существу? – спросил инструктор. – Спрашивайте всё, что не ясно.

– По существу... Кто хват исковырял?

– Какой хват?..

– На ручке управления! Смотрите, как раз под большим пальцем! На ней что, псих летал? Нервный?

– Я не знаю, кто летал, – инструктор был слишком серьезным и упертым человеком. – Машина почти новая, ручку не меняли, вполне приличная, исправная...

– Не о том я. – Шабанов достал платок и протер пластмассу. – Ручка самолета, как ручка женщины... Люблю, когда она нежная, чистая. Кладешь на нее ладонь, трепещет от возбуждения....

Должно быть, представитель главного конструктора воспринял пилота как человека несерьезного...

Следующий инструктаж был у представителя Росвооружения – у маркитанта, как его называли в полку. Бравый, веселый майор – его бы на плакат «Дойдем до Берлина» – был краток и особенно не сосредоточивался на специфике и секретности своего товара. Они давно были на «ты», поскольку встречались часто и понимали друг друга с полуслова. За каждую доставленную по месту назначения машину пилоту полагалась премия в размере месячного заработка, и выдавали ее сразу по возвращении из командировки. На сей раз она увеличилась вдвое, и к тому же майор как бы между прочим заявил, что его фирма (так и сказал – фирма!) похлопочет о восстановлении звания. Оказывается, маркитанты теперь имели и такую

возможность – в качестве оплаты за услугу увеличивать звезды на погонах. А кроме того, был обещан самый теплый прием по месту доставки товара, трехдневный отдых с экскурсиями по стране, непременно ужинами в ресторанах, обязательные экзотические подарки, памятные сувениры и какие-то непомерно огромные суточные.

В два раза толще оказалась и пластиковая папка с сопроводительной документацией на машину, прошнурованная, опечатанная и защищенная не хуже самой «принцессы». Хранить ее полагалось как партбилет, у сердца, во внутреннем кармане комбинезона и в случае чего уничтожить в первую очередь любыми путями, лучше всего съесть. Шабанов расписался за бумаги, убрал их в свой сейф и наконец-то подался к Ужнину. Тот выложил перед ним три залепленных печатями пакета – царские грамоты, ни дать ни взять.

– Вот, – сказал. – Жду команды на вскрытие одного из них. Там маршрут движения и страна-получатель. Такого еще не бывало... Гуляй пока.

– Может, мне новоселье учинить? – посоветовался Шабанов. – Как раз майские праздники?..

– Я тебе учиню, – пригрозил командир. – Чтоб как стеклышко в любой момент...

Вечером к нему в квартиру неожиданно явился сосед снизу – Заховай. Домашний такой, в тапочках и застиранном спортивном костюме.

– Ну, как ты тут устроился? – осматривая жилище, по-свойски спросил он. – Да... Не хватает женской руки... Ты вот что... Полетишь в командировку, оставь ключи. Я своих девок пошлю, пусть обои переклеят. Все посвежее будет...

Подобного наглого вмешательства в личную жизнь он не ждал и соврал первое, что пришло в голову:

– Да я уже нанял строителей, аванс заплатил. Придут и все сделают.

– А вот это напрасно, – отрезал особист. – Ты знаешь этих строителей? Кто они, с кем связаны?.. Придут, напихают тебе закладок в стены и станут слушать. Думаешь, случайно в командирском доме квартиры дали? И еще надо мной?..

После сегодняшних инструктажей Шабанов уже ничему не удивлялся и все допускал. Тем более логика у Заховая была складная...

– Никаких строителей. Мои девки сделают. Давай запасные ключи, и дело с концом.

– Я заплачу! – нашелся Герман, отдавая ключи. И тут же решил для себя: если откажется от денег – значит, это грубое, неприкрытое сватовство. Последние года три с женьбой его бодали все, от родителей до командиров, и Шабанов к подобным уловкам давно привык и отработал манеру поведения для каждого отдельного случая.

– Разумеется, заплатишь, – просто отозвался Заховай, пряча ключи. – Нынче бесплатный сыр только в мышеловке... Знаешь, каково трех женщин содержать?

– Трех?..

– Жена тоже не работает...

– Не позавидуешь! – с удовольствием согласился Шабанов, наливая чай. – Я тут хотел новоселье устроить на праздники – Ужнин запретил...

– И правильно запретил... Ждем команды. – Заховай не комплексовал, начал молотить хлеб с колбасой, словно не из дома пришел. Вдруг его стало жаль: скорее всего, держа трех женщин, он сам недоедал и все время чувствовал голод, даже после ужина...

Сосед дожевывал последний бутерброд, обжигаясь, выпил чай и загундосил:

– Ждем команды... МИД чего-то трясется насчет коридоров... В принципе на такой машине они тебе не нужны, но мало ли что, первый пробный шар... Через Монголию, сразу скажу, пойдешь темным, легко... Есть проблемы с воздушным пространством Китая... Что-то почуяли наши братья, мудрят... Будь осторожен, особенно над пустынными районами... Пустыня, она и есть пустыня... Только с включенной «принцессой». Конечно, показывать ее возможности нам не выгодно, а что делать? Надо пробовать...

– А почему бы не махнуть через Киргизию и Таджикистан? Все-таки бывшие республики. И напрямую, в обход мудрых наших братьев...

Заховай мгновенно насторожился.

– Не понял...

– Там же дырка есть. Махнуть через узкую полоску Пакистана – пять секунд...

– Куда махнуть-то?..

– В Индию.

У Шабанова было странное чувство к нему – как у ребенка к чужой кошке: хотелось и приласкать, пожалеть ее, и одновременно стукнуть. Особист тяжело помолчал, глядя на пустую чашку, прогнусавил:

– Афанасий Никитин нашелся, в Индию...

– Между прочим, он мой земляк!

– Говори сразу, откуда информация?

– Из первых рук.

– Значит, представитель Главного конструктора, – тотчас определил Заховай. – Через них все утечки... Ну как работать с такими людьми? Если не прямое предательство и измена, то обыкновенная болтовня! Распустились – дальше некуда! Языки отрежу!

– Так почему бы не через дырку? Насколько знаю, там всегда перегоняли...

– Много знаешь!.. Было, гоняли. А теперь заправок не дают, да и вообще садиться там опасно, не выпустят... Грабят же повсюду!.. Китайцы хитрят, но у них другие способы...

– Жить становится интересно, – заключил Шабанов. – Появляется возможность выбора.

– Какого выбора? – сосед заговорил несекретным тоном. – Это ты про что?

– Ну, например, выбора маршрута. Ужнин сегодня положил целых три пакета!.. А когда тебя гоняют по одному и тому же, становится тоскливо. Нет вариантов. А даже у витязя на распутье в стародавние времена их было несколько. Налево пойдешь, направо пойдешь...

Такие разговоры особист или не понимал, или они надоели ему в женском обществе.

– Начинается! – встал недовольно и подался к двери. – Выбор, варианты... Меня дома бабы забодали!.. Тебе надо сейчас о другом думать. Между прочим, и о семье тоже. Чтоб жить стало интересно без вариантов...

Наверное, в этом была своя суконная философия собственного внутреннего принуждения: взвалил на себя воз и тяни его до смерти, однако Шабанова она не прельщала.

– А в праздники сиди дома, – добавил он с порога. – Поднять могут в любой момент.

До третьего мая Герман и в самом деле просидел безвылазно, и сосед снизу тоже отлучался на час-два в штаб, и все остальное время сторожил комэска и блюл его девственность. Ночью, когда Шабанов от скуки ободрал одну комнату и пошел выносить старые обои в мусорный бак, Заховай тоже появился в тапочках и с ведром – должно быть, получил приказ до вылета исключить все контакты пилота с внешним миром. Однако третьего утром он умчался куда-то как по тревоге, и Герман немедленно оказался на улице. Мысль, конечно, была одна – заскочить на почту, где Магуль заступила на дежурство, и посмотреть на нее после письма: может, под воздействием его откровений растает, разломается эта женская восточная невозмутимость и непроницаемость, и чувства возникнут на белом, бесстрастном лице?

Самый короткий путь был через закрытый детский сад и ППН – Парк Последней Надежды за гарнизонным Домом офицеров, куда загулявшие вояки, а равно одинокие барышни ходили искать друг друга, чтобы хотя на одну ночь ощутить прикосновение счастья. Городок уже нагулялся за два дня и теперь отдыхал, несмотря на благодатную, солнечную погоду и запах зеленой жизни, с треском выдающийся из тополевых почек. В парке было пусто и тихо, так что резкий окрик за спиной прозвучал как выстрел.

Все три брата были одеты одинаково и празднично – в длиннополые белые плащи и такие же шляпы, у старшего, Якуба, на шее висел длинный и тоже белый шарф. Стояли полукругом и вроде бы даже улыбались, только не понять, радостно или цинично.

– Ты дал слово мужчины – взять сестру, – сказал старший. – Почему не берешь?

Шабанов точно помнил, что жениться не обещал и слово мужчины давал не приводить больше к себе в дом девушку Магуль, дабы не нарушать национальных обычаев Кавказа. Но оправдываться или разбираться, кто и как понял друг друга, было бы сейчас не к месту, да и глупо; братья-абхазы подкараулили его не для того, чтобы выслушивать детский лепет.

– По праздникам претензий не принимаю, – не менее цинично ухмыльнулся он. – Завтра и в письменном виде.

Средний, Рудик, не спеша достал нож, оттянул длинный рукав плаща и поиграл сверкающим на солнце лезвием.

– Рэзать будем сегодня – не завтра. У нас каждый дэнь – праздник. Каждый дэнь рэжем.

– Рэзать потом! – заметил Якуб. – Сначала сделаем обрэзание! Ты знаешь, что такое – обрэзание?

– А ху-ху не хо-хо? – спросил Шабанов. – Нихт ферштеен? Не понял, да?

Самый хлипкий из них был старший – девичья фигура, соплей перешибешь, но командовал тут он и держался соответственно. Якуб и младший переглянулись, этот язык был понятен без перевода – будут мочить и ждать тут нечего.

Младшего звали то ли Хиуш, то ли Хауш, и был он покрепче первых двух и агрессивнее – настоящий горец. Будь у него нож в руках, зарезал бы молча и хладнокровно. Шабанов бил ему ногой в пах, но помешали полы плаща, и противник остался на ногах, лишь загнулся и сронил шляпу. Добавить бы еще снизу пинком по морде, да соблазнила эта белоснежная, широкополая шляпа – с удовольствием пнул ее и тут же схлопотал между глаз от старшего. Искры брызнули как из-под наждака, спас и не дал уйти в нокдаун тренированный вестибулярный аппарат. Шарф Якуба оказался в руке Шабанова, и от рывка он натянулся, помешал ударить среднему Рудик: держа нож в руке, тот бил кулаком, боялся «рэзать»! Не было приказа! Мозги, как и полагалось пилоту сверхзвукового истребителя, работали мгновенно, но не долго – секунд сорок, отпущенных судьбой, чтобы успеть принять решение прыгать или не прыгать. И если не дернул ручку катапульты, борись до конца за собственную жизнь, повинаясь уже не мысли, а простейшему, врожденному инстинкту.

Он понял, что нож лишь угроза, попытка взять на испуг, показать, что имеет дело с горячими, дикими и оскорбленными горцами, не знающими пощады. Младший распрямился и еще раз получил по роже, теперь кулаком – кожу на пальцах срезало, зубастый! Ушел в аут, но тут еще раз прилетело самому, и дальше началась уже беспорядочная потасовка, без расчета и приемов, кто кого достанет. Шабанов не выпускал шарфа старшего, таскал его за собой, как на веревке, и худосочный, придушенный Якуб с выпученными глазами пытался лишь освободить горло. Драться пришлось в основном с Рудиком – вооруженным, вертким, цепким и подвижным, да слишком легковесным, чтоб свалить, сбить восьмидесятикилограммового Германа. И он, изловчившись, ударил старшего мордой о дерево, бросил шарф и освободил руки.

– Зарежь его! – без всякого акцента, цивилизованно приказал Якуб, зажав лицо руками.

Средний отскочил и переложил нож из левой в правую руку.

Как назло перед майскими праздниками в ППН собрали все подснежники, вычистили и вымели – ни палки, ни кирпича, ни одной пустой бутылки! А тем временем Рудик, умело фехтуя ножом, пошел вперед, разжег себя визгом – вот она, дикая дивизия!

Как, откуда и почему рядом оказалась Магуль, Шабанов так и не понял, слишком увлечен был и сосредоточен на сверкающем лезвии. Услышал ее крик – незнакомый и слишком мужественный для ее утонченного облика. Старший что-то заорал, завизжал, как зажатый дверью кот, и в этот миг Герман наконец-то увидел ее лицо страстным.

Изломав над головой тонкие руки, будто заклинательница огня, кавказская невеста взорвалась целым потоком фраз, голос ее сделался железно-гортанным, губы окрасились малиновым и изгибались резко, выразительно, словно у переводчицы на сурдоязык, вздулись крылья носа и загорелись огромные глаза.

Магуль была чуть ли не на голову выше своих старших братьев, однако испугались они силы ее внезапного гнева. Рудик спрятал нож, бросил сестре что-то визгливое и стал отрывать старшего, все еще стоящего в обнимку с деревом, о которое рассадил рожу. Младший встал сам, подобрал шляпу и принялся чистить ее, сверкая глазами.

– Зарэжу, – буркнул он в сторону Шабанова. Когда они уходили, отряхивая вымазанные зеленой и грязью белые плащи, Магуль еще что-то крикнула вслед – всего три слова, но вызвала гневную страсть младшего. Он развернулся и, потрясая руками, выдал целую тираду – должно быть, пеной брызгал при этом.

– Пхашароп! – совершенно с иной, чем прежде, интонацией бросила она.

– Почему сейчас-то тебе стыдно? – спросил Шабанов. – Мужики подрались, чего особенного?

– Братья дрались, как чеченцы. Абхазские мужчины не нападают втроем на одного безоружного.

– Правильная традиция, – одобрил Герман, трогая немеющие, распухавшие губы: кажется, и передние зубы шатались...

То ли под воздействием долгого общения с мастером секретных дел Заховаем, то ли от причины вполне объективной – неожиданного возникновения Магуль в ППН, куда не ходили честные, с хорошей репутацией девушки, у Шабанова сразу же возникло подозрение, что нападение братьев и потом явление сестры, спасающей от ножа, – заранее спланированная акция. Конечно же он теперь обязан жизнью смелой и дерзкой кавказской принцессе! И никуда не денется – возьмет в жены, а потом злые и коварные братья под ножом или методом убеждения заставят уехать в Абхазию, чтоб создавать там ВВС республики.

Перспектива...

– Кто просил тебя вмешиваться, женщина? – на восточный манер спросил Герман.

– Братья напали, как бандиты – не как мужчины, – туповато повторила она, вновь, однако же, становясь покорной.

– Им простительно – мстили за сестру!

– Они не мстили за сестру. Они исполняли чужую волю.

– Так, так, продолжай! – заинтересовался он. – Чью волю?

– Начальник велел братьям поймать тебя и избить, – потупилась Магуль. – Хауш сказал...

– Кто?..

– Младший брат сказал...

– Какой начальник? Кто?

– Не знаю... Хауш говорит, начальник.

– Его фамилия – Заховай?

Магуль отлично говорила по-русски, однако сейчас сбивалась, подбирала слова – волновалась и прятала чувства.

– Хауш не назвал фамилию... Якуб знает фамилию, но Якуб молчал.

– А мне сказали совсем другое! Мол, благородный гнев! Месть! Зарэжем!

И еще раз по ее лицу промелькнула тень чувствительности – то, что скрыть было невозможно под белой маской.

– Абхазы тоже стали лживые, как чеченцы. Пхашароп! Мужчины говорят, месть за сестру, а исполняют чужую волю.

Он услышал обиду в голосе! Магуль хотелось, чтобы за нее мстили братья, но такового не случилось. И чувства эти звучали так просто и откровенно, что Шабанову стало жаль ее. Взяв безвольную руку, он привел кавказскую пленницу к скамеечке, усадил, а сам остался стоять.

– Надо уходить, – вяло воспротивилась она. – Здесь плохое место, люди увидят...

– Как же ты здесь оказалась?

– Услышала. Женщина слышит угрозу сердцем.

Герман поверил ей без всяких сомнений, раньше подобных слов было не дожидаться от Магуль, и они сейчас показались ему ответом на откровения в письме.

– Ты прочитала мое послание?

– Много раз прочитала. И много раз думала... Мы с тобой брат и сестра! Нет, хотела сказать, похожи, как брат и сестра. Ты одинокий без родственников, а я одинока с родственниками. Так случается... Ты сильный, ты настоящий мужчина, как абхаз. Я женщина, я настоящая абхазская женщина. Нам бывает стыдно, когда хотим стать современным человеком, исполнять современный нрав. Ты борешься с собой – я борюсь с собой: так стоять на земле, чтоб не упасть, чтоб не ходить в этот парк искать счастья. Тебе стыдно жить, мне стыдно жить. Потому что кругом жизнь, как здесь, в этом парке. Мужчины и женщины живут без любви. Надежды много, любви нет...

Судя по речи, она все еще волновалась, и эти еще недавно несоразмеримые с ней чувства самым предательским образом топили последний лед в сердце.

Хотелось сделать что-нибудь приятное, чем-то обрадовать ее, может быть, даже восхитить, потому что в своем письме-откровении он не отважился написать таких слов и по-мужски обошелся философскими размышлениями на эту тему.

И сейчас она озвучивала его мысли...

– Я скоро отбываю в командировку, – сказал Шабанов. – В теплые страны... Что тебе привезти?

Кажется, Индия славилась женскими украшениями, только он не знал, принято ли их дарить кавказским женщинам? Не скажет ли она потом, что это «современный нрав», как раздевание, и ей пхашароп? Или напротив, примет подарок, и это будет означать – женись!

– Тоже хочу в теплые страны, – призналась она и открыто, не стесняясь, посмотрела в лицо.

– К сожалению, машина одноместная...

– Нет, я бы и не полетела... Боюсь. Когда взлетают ваши самолеты – зажимаю уши и закрываю глаза. Так страшно!

– Так что ты хочешь в подарок?

– Это обязательно – подарок?

– Ну, у нас так принято, привозить подарки из дальних стран. Даже сказка есть – «Аленький цветочек». Там купец привез дочерям гостинцы, исполнил мечту каждой.

– Гостинцы? – Ей понравилось это слово. – Гостинцы, это когда исполняется мечта?

– Примерно так. Хороший гостинец – всегда мечта! – Его потянуло на воспоминания детства – любимую тему, где он всегда находил утешение. – Помню, мать с отцом придут из лесу и принесут что-нибудь. Кусочек хлеба, огурчик – что от обеда осталось. И говорят, это тебе гостинчик, зайчик послал. Ничего вкуснее не едал...

– Я тоже люблю детство, – призналась Магуль. – И есть мечта... В теплых странах водятся тигры?

– Как же! – засмеялся Шабанов, хватаясь за разбитые губы. – Конечно. Там водятся знаменитые бенгальские тигры... – И поймал себя за язык.

– Много раз просила братьев, но они не могут найти... Или не хотят. – Она засмушалась. – Если ты найдешь... Привези мне тигровую шкуру.

– Шкуру?..

– Это очень дорого, да? Я дам денег, у меня есть... Исполни мечту, как брат.

– В принципе можно найти. – Герман соображал лихорадочно, как если бы оставалось сорок секунд на решение. – Зачем тебе такой гостинец – шкура?

– Мне не стыдно сказать, потому что это старый, древний обычай, традиция. – В голосе ее слышались гортанные нотки, и сверкнули глаза. – Кавказская женщина должна постелить на брачное ложе тигровую шкуру и лишиться на ней девственности. А когда мужчина пойдет на войну – наденет ее на плечи и шкура спасет от вражеского меча. Я хочу жить, как мои предки. Мне стыдно отдавать свою честь мужчине, которому потом не закрою плечи. Когда-то старшие мужчины рода ходили далеко за горы, чтобы добывать девушкам на выданье тигровые шкуры. Если брат не добыл ее, сам ничего не получал от возлюбленной. Ты мне как брат, так добудь дорогой гостинец!

2

Он вспомнил о шкуре, когда, испытав сильнейшую перегрузку после катапультирования, наконец вздохнул первый раз, как новорожденный, и ощутил, что плачет. А плачет – значит, живет!

Парашют раскрылся нормально, и земля была почти рядом, но то ли замедлилось время и искривилось пространство, то ли он попал в восходящие потоки, или действительно, как младенец в первые часы, видел мир перевернутым, все казалось наоборот – он летел очень долго, вверх ногами, и не звезды были над головой, а островерхая, хвойная тайга и – хоть бы один огонек!

– Вот это попал! – еще в воздухе и вслух сказал Шабанов. – Вот это тигровая шкура!..

Потом он никак не мог объяснить себе, отчего в тот миг ему вспомнился обещанный Магуль гостинец? Когда срабатывает десяток пиропатронов и тебя, словно мученика на кресте, распинают на пилотском кресле, затем мощный заряд, как снаряд из пушки, выбрасывает метров на триста вверх и вся кровь в организме приливает к нижней части тела, оставляя голову пустой – сознание после такой встряски тоже искривилось и в голове вместо мыслей профессионала сыпался какой-то мусор. А следовало, пока висит в воздухе, сориентироваться на местности, отыскать такой рельеф, речку, озеро, чтобы сделать топографическую привязку, достать спасательную радиостанцию «комарик» и подать SOS, пока есть высота, и, наконец, проследить, в каком направлении и как упал самолет.

Это последнее он случайно заметил: желтое сопло двигателя сверкнуло несколько раз, и машина бесшумно скользнула в темень чернолесья, словно опытный ныряльщик в воду, без всякого всплеска и взрыва. А чему там взрываться и гореть, если баки сухие?..

Заметил это мимоходом, поскольку высматривал не бортовые огни – земные, людей искал, жилье, жизнь...

Момент приземления Шабанов не испытал в полной мере, услышал некий отстраненный шорох, затем сильно качнуло, и звезды, прекратив свой бег, утвердились на небе. И все вернулось на свои места. Купол парашюта захватил вершины двух высоченных деревьев, завис на них, и получились классные качели. Еще бы стропы подлиннее, и можно летать, как в детстве...

Он отстегнул гермошлем и, проверяя высоту, бросил его вниз, словно камешек, когда проверяют глубину колодца: лес казался темным, а земля непроглядной. Через полторы секунды послышался глухой стук, шлем покатился, как отрубленная голова – еще и склон! Не отстегнешься и не спрыгнешь...

Сначала он резко забыл о тигровой шкуре, поскольку также резко вспомнил, что катапультировался не только со старым другом НАЗом, а еще с любовницей – «принцессой». В теплом воздухе ею запахло откровенно и уже несколько привычно. Спасенная благородная барышня, отстреливаясь от борта машины, чуть ли не на колени запрыгнула, притянулась к тому месту, где еще недавно торчала ручка катапульты, прижалась к НАЗу, свернувшись покорной кошкой. И совершенно не мешала...

Все уже успокоилось, перестали трещать ветки вверх, однако с правой стороны доносились какой-то бубнящий грохот и звон, будто сверлом проникающие в ухо. Шабанов дотянулся рукой и ощутил на пальцах кровь, сочащуюся с мочки на горло.

Ну да, какое же рождение без крови? Хорошо, глаза не выскочили, только сосуд лопнул в ухе...

Он соображал и действовал, как во сне, повинуюсь необходимости окончательно приземлиться. Рука сама отыскала специальный фал, предназначенный для спуска в таких случаях, и он тоже улетел, разматываясь, в темноту, однако в последний миг он вспомнил, что если сейчас

сквозануть по веревке к земле, ухватившись за специальный ролик, чтоб не обжечь рук, то всё – НАЗ с припасами и эта чертова «принцесса» – останется висеть между небом и землей. И пойдешь достанешь потом, когда до тверди добрых двадцать метров!

Пришлось, как учили, раскачиваться в сторону ближайших деревьев, хвататься за ветки, седлать ствол и, отстегнувшись от строп, сползть вниз. И хорошо, высотный комбинезон был крепким, иначе бы с пуза и бедер вся шкура слезла, пока скользил по шершавому, в сухих обломках сучьев стволу. Еще на дереве почувствовал жгучую боль на лодыжках ног: опалило взрывом пиропатрона, поленился зашнуровать до конца ботинки! Точнее, не поленился – не рассчитывал, что придется таким образом оставлять машину...

И лишь утвердившись на земле, он словно проснулся в чужом незнакомом месте и вслух спросил:

– Где я?

В правом ухе шум крови чуть унялся, сосуд затягивался...

Разбор полетов начался одновременно с окончательным приземлением и разбором выхваченного катапультной скари. Скинув его с себя, он наконец-то распрямился и, как только что появившийся на свет, осмотрелся – темный лес, черные стволы кругом и накренившийся, покатым кусочек земли под ногами. Остальной мир тонул в ночи и как бы вовсе еще не существовал. Шабанов стал мысленно тянуть ниточку от момента взлета с никулинского аэродрома: вот был радиообмен с Жуковым – «принцесса» была включена, с экранов локатора исчез – вот сделал доворот с набором высоты и лег на курс, продолжая идти в крутую горку, чуть ли не вертикально вверх, будто на перехват цели. На пятьдесят шестой секунде от сопла оторвался звук, на девяностой достал заданной высоты, лег на горизонт и еще раз проверил курс – все было правильно, процесс пошел...

Через семь минут он вылетел из зоны Пикулина, и появилось время, чтобы растряссти НАЗ...

Воспоминание о пище пригасило запах «принцессы», резко отозвалось чувством голода, нестерпимым, как у новорожденного: надышался кислородом, который спалил все калории в организме, будто в топке. Не поесть, так, кажется, сейчас и умрешь...

Теперь заповедный мешок стал как невеста после свадьбы – хоть ложкой черпай! Еще в полете лишенная девственности НАЗ, поддалась без всякого сопротивления, открыла свои тайны, позволив запустить сразу две руки. Шабанов вытащил короткоствольный пистолет-пулемет «Бизон», штуку редкую в авиации – надо же, снарядили за три моря так, словно на сафари, садись на слона и вали бенгальских тигров, а то и самих слонов. Бой у этой игрушки на коротком расстоянии был прекрасный, жаль, не ему приготовили ствол для охоты: оружие пилота передавалось вместе с машиной и входило в стоимость сделки. Шабанов отложил «Бизона» с сожалением – еще не привык к мысли, что купля-продажа не состоялась и теперь не состоится. МИГарь гробанулся, и все, что от него осталось, уже не товар. Потом извлек четыре запасных магазина, фонарик и добрался-таки до сокровенных глубин. Яркий и мощный луч света (и батарейки не украли!) выхватил пачку банок мясных консервов, закатанную в пленку, хлебцы, шоколад, сахар, кофе, джем и еще что-то импортное в упаковках, ранее при вскрытии НАЗов невиданное. В первую очередь он отыскал и спрятал в карман комбинезона двойной стандарт «Вирь» – специального допинга, на одной таблетке которого, как на ядерном топливе, можно давать самые мощные нагрузки организму в течение восьми часов. И лишь после этого с удовольствием вскрыл тушенку, выдрал хлебец из пластика и стал есть.

Беззаботность новорожденного, вкушающего материнское молоко, длилась столько же, сколько он ел. И когда отшвырнул пустую банку, в тот же миг бросился за нею следом, встал на четвереньки и стал ощупывать землю.

На месте приземления не должно быть никаких следов! Потому что он не ответил на вопрос – где я?! На чьей территории? И пока не известно точное местоположение – клочка

мха нельзя сорвать с земли, веточки обломить! Не зря же в НАЗ вложили понюшку табаку для розыскных собак!

А у него вон парашют на вершинах болтается, гермошлем куда-то укатился, а теперь еще и природу засоряет...

Далее он все делал одновременно – вел разбор полетов, искал брошенное имущество и пытался хотя бы примерно определить, куда попал. И пока убедился только в одном – он не в пустыне Гоби, и судя по рельефу и растительности, где-то на территории Северного Китая, над которым пролетал не раз, или, наоборот, Южного, в предгорьях Тибета, где тайга отличается лишь высотой деревьев. Это он знал теоретически, прорабатывая перед вылетом маршрут, а поди ты разбери, какой лес внизу и какие горы, если смотришь с высоты двенадцати тысяч метров! Да еще ночью...

Пустую банку Шабанов нашел скоро, чуть дольше искал гермошлем, уже с помощью фонарика, после чего достал из кармана «малямбы» пилу-змею – проволоку с шипами – и приступил к дереву с парашютом на макушке. И сразу же отступил: оно было в обхват у земли, а пилкой этой хорошо дрова на рыбалке пилить...

И даже если бы, пролив три пота, взялся за лесоповал, куда пень-то спрячешь? Не корчевать же его! А ко всему прочему, где-то в лесу валяется пилотское кресло, отстреленное в воздухе, как лишний груз – еще одна улика, которую просто так не убрать...

Автоматизм действий по инструкциям был хорош во время учебно-тренировочного катапультирования из спарки на полигоне в подмосковном лесу.

Здесь надо было думать...

До аэродрома в монгольском Алтупе и тайной заправки все было нормально, никаких отклонений. Так что фокусы с курсом начались скорее всего сразу со взлета и второго ограбления НЗ. После того как обнаружил, что сбился с пути, причем как-то невероятно, недопустимо – на сто восемьдесят градусов! – сделал боевой разворот, лег на курс и послал сигнал на «круизконтроль». Спутник отбил его точные координаты, и они есть, остались записанными на пленку в «черном ящике»...

Вторая сверка была через девятнадцать минут, у границы с Китаем или даже над ней, и космос это подтвердил. Наши войска ПВО не могли засечь из-за «принцессы», а радиомолчание было из-за грозы, или просто некогда было засорять эфир, расписывая пулю в префепанс...

Гамлетовский вопрос – пилить или не пилить? – решался однозначно. Значит, есть следующие варианты: когда рассветет – попробовать отстрелить макушки деревьев из «Бизона» и снять парашют...

Но так бывает в кино, а в жизни вершины этих баобабов из авиационной пушки не отстрелить. И потом, какая тут пальба, если не знаешь, на чьей территории сидишь? Ну как прибегут местные жители-китайцы или, того хуже, пограничники, полиция, спецслужбы...

«Принцесса» же – вон она, лежит, прижавшись к НАЗу, и даже свой глаз на поводке поджала, чтоб не цеплялся...

А что, если сбился с курса и заплутал из-за нее?!..

Кто ее, недоношенную, не испытанную как следует, дуреху, знает? Может ли она своими чарами в каких-то ситуациях действовать не только на локаторы и ракеты противника, а на собственные бортовые системы? Да вполне! Ведь говорил же представитель главного конструктора об индивидуальности каждого прибора! Что, если ему попал не согласованный со спецификой машины и все пошло вразнос?!..

И если так – представителю конструктора надо обязательно выбить глаз по возвращении. А лучше самому главному.

Между тем близилось утро, небо как-то незаметно затянуло перистыми облаками, сквозь которые едва просвечивали редкие звезды.

Третий раз Шабанов сверился со спутником, когда не нашел внизу Гуйсана. И судя по данным, перемахнул его и очутился над китайской частью Тибета. Допустим, если, сбившись с курса, летел в противоположном направлении не пять минут, а много меньше, и если вспомнить, что делал две временных поправки, то мог запросто проскочить не только пустыню – углубиться на территорию Индии, и на значительное расстояние!

Где же их войска ПВО, в душу мать! Полагая, что впереди Гуйсан, он же выключил «принцессу»! Тоже в преф зубятся?

Не грабил бы НАЗ, не отвлекался от приборов – не сбился бы с курса или вовремя засек его изменение...

Да ведь все время грабил! И никогда не сбивался!

«Принцесса»! Она, подлая, сбита с толку и его, и бортовой компьютер.

А лодыжки ног хорошо обжег, пожалуй, волдыри будут. Но штанинам хоть бы что, ни одной дырочки, разве что припало слегка. Из качественной ткани шьют комбезы, ничего не скажешь...

Коль скоро парашют не снять без альпинистского оборудования и кресло не найдешь в лесу, значит, вопрос решается проще – бежать отсюда немедленно, посыпая махорочкой следы, пока не застучали. Найти обломки машины легче, чем парашют, еще проще установить, успел ли катапультироваться пилот, так что нечего терять силы на лесоповал и ломать шею, пускай себе потрепещется на ветру, пока не сдует восходящим потоком. Уйти на несколько километров и посмотреть, будет ли движение на местных дорогах, если таковые есть, и в воздухе, а возможно, и в эфире, поскольку «комарик» новый, сканирующий.

Радоваться надо, что МИГарь не полыхнул синим пламенем, погиб мужественно и молча, и только при свете дня можно отыскать место его кончины – вывал леса и обломки...

Он достал карту с нанесенным маршрутом полета (Захой предположил и ее съесть, если что, так что питаться есть чем), при свете фонарика еще раз пробежал глазом путь от Пикулино до Гуйсана и зацепился мыслью за два совпадения: ПВО России и ПВО Китая почему-то хранили радиомолчание, хотя их слышно в эфире почти постоянно...

Ну, точно «принцесса»!

Монголы хранили тишину по договоренности и знали, кто ломится в этот час «темным» коридором. Но эти-то, особенно воины братского народа, не дремлют, потому что у них иная военная доктрина и есть вероятный коварный противник – НАТО. По этой причине они такие коридоры давали – легче по лабиринтам летать...

Если противовоздушная оборона рубежей двух сопредельных государств не подает признаков жизни, не значит ли это, что небо над ними вообще никто не потревожил? Изменение курса на прямо противоположный он обнаружил примерно на пятой-шестой минуте полета от монгольского Алтупа, и после тестирования компаса встал на правильный и сверил координаты с «круиз-контролем». Деятнадцать минут шел строго на юг и ни одной границы не обнаружил.

Его не обнаружили – понятно; почему над границами чист эфир?

Что, если прибор соврал и он после боевого разворота летел строго на север? Ну бывает же заскок не только у приборов? И теперь, судя по времени и расстоянию, находится на территории Восточной Сибири, в междуречье Витима и Лены? Там подобный горный кряж, покрытый лесом...

Все валить на эту юную барышню тоже неправильно, надо проанализировать все варианты...

Тыква! Эта желтая тыква, которая увязалась за ним чуть ли не с территории Забайкалья! Она же пристала после заправки в Алтупе, и когда он оторвался от нее и ушел на семь тысяч, – тогда заметил сумасшествие приборов. Могла, стерва!

Тогда придется поверить в инопланетян, лечь в Белые Столбы, где однажды ему пришлось бывать и усиленно лечиться. По сути, повторить судьбу товарища Жукова, с которым опять свела судьба, на сей раз в Забайкалье. Года два назад у Олега произошла личная драма – ушла жена, вернее, выгнала его из дома в общежитие, поскольку он закрутил роман с шестнадцатилетней дочкой полковника Харина из штаба округа. Седины в бороде у него еще даже не намечалось, а бес в ребро толкнул так, что кадет голову потерял. Встретились они где-то на офицерском балу, которые устраивались в ГДО, на эдаком пире во время чумы: топлива нет, пилоты летать разучились, но зато их учили вальсировать, галантно обращаться с дамами и вообще овладевать хорошими манерами. Жена у товарища Жукова после восьми лет неудач наконец-то забеременела и лежала на сохранении в госпитале, а этот вольноотпущенный дурак протанцевал весь вечер с полковничьей дочкой, которая изображала из себя Наташу Ростову, засветился перед всеми гарнизонными дамами и влюбился как мальчишка. Слухи и сплетни об этом романе до сих пор еще были свежи и актуальны, и прежде Шабанов легенд наслушался, а потом уже встретился с однокашником. Дело в том, что полковничьей дочке какой-то женатый капитанишка был вовсе не нужен и она по всем законам жанра любила сына командующего округом, говорят, балбеса невиданного, который ничего, кроме как травки покурить да на мотоцикле погонять, не знал.

И вот от этой несчастной, неразделенной любви товарищу Жукову начали чудиться НЛО при каждом полете. И когда однажды от отчаяния он принял самостоятельное решение атаковать цель, его списали на землю и он теперь сидел на КП выпускающим, да и там на волоске висел, ибо каждые полгода проходил реабилитацию на предмет психического здоровья.

Никаких иных цивилизаций во Вселенной не существует – в этом Шабанов был абсолютно уверен. Есть только планета Земля. И люди на ней.

И все исходит от людей, как говорила бабушка Шабаниха...

А внутренний разбор полетов вертелся в голове сам собой. Он раскрыл планшет, нашел район хребта Нанылань в Тибетском нагорье и плюнул: ландшафт и там мало чем отличается, и расстояние от Пикулина примерно одинаковое. Вон на деревьях висят какие-то бороды, вроде лозы дикого винограда – какая к черту тут Сибирь?..

Можно логически установить, кто соврал – компас или космос, и при этом не быть точно уверенным, где находишься, потому что всегда будет погрешность и бортовых приборов, и космического «круиз-контроля», поскольку созданы они одними мозгами и из одного теста.

Последнее, что Шабанов сделал на месте приземления, – включил на прием «комарика», послушать, на каких языках говорят небеса. На табло сканера цифры частот летели с огромной скоростью и даже не замедлялись, чтобы сказать о приближении далеко работающей станции – такое ощущение, что эфир чист и первороден, как в Средние века.

Несколько минут он насиловал нежную электронику чувствительной радиостанции, светил ей в бессовестные глаза, не жалея батарей фонаря, пока не убедился, что это так же бесполезно, как дедуктивным путем установить свое местонахождение. Полное радиомолчание в регионе могло означать его абсолютную пустынную или начало операции по его поимке: охотники за рукой «принцессы» сидели в полной боевой готовности со сканерами и пеленгаторами в ожидании, когда Шабанов от отчаяния подаст сигнал SOS...

Он засунул «принцессу» в мешок, пустые банки и прочий мусор сложил под дерево на камень, будто на жертвенник, сверху установил гермошлем и кровью – из уха все еще капало – написал на стекле три русских буквы, хотя слово это вполне сошло бы за китайское. Затем подогнал лямки по своим плечам, открыл и всунул в специальный карманчик «малымбы» табакерку, чтоб посыпать следы, если пустят собак, и, сориентировавшись по компасу, все-таки взял направление на север – поддался решающему и простому природному факту: уже тепло, трава пробивается, а ни одного комара не прозвенело. В Сибири в это время дышать нечем... Жизнь не то чтобы становилась завлекательной и интересной, просто к ней прибавился ост-

рый, неизведанный привкус, по качествам своим не уступающий особенностям кавказской кухни. Появился некий еще не оформившийся азарт и предощущение удовольствия, как перед взлетом. Шабанову начинало нравиться его положение: по крайней мере, ничего подобного не испытывал во взрослой жизни, не терялся в пространстве так, чтобы концов не осталось. Вообще-то произошло то, чего он давно и интуитивно хотел: пусть не надолго, но вырвался из привычного и постылого круга жизни. Конечно, через день-два его следы обнаружат, где бы он ни упал, через неделю догонят – потому что на густо, по-китайски заселенной земле долго не побегаешь – и вернут назад.

Он привык к скоростному перемещению над планетой, и она давно уже казалась маленькой, куда ни глянь, особенно ночью, везде огни. Зарева от огней! Думал, в Сибири сохранились заповедные, первозданные уголки – куда там. И здесь светится земля, если не от человеческого жилья, то от факелов над нефтеносными районами, где сжигают попутный газ...

Было еще темно в хвойном лесу, однако высветленное еще не восставшим солнцем небо переливалось акварельными тонами множества красок, от синего на западе и до алого на востоке, утих ночной ветерок, все застыло, замерло, умолкли невидимые птицы, и от этой настороженной, тревожной тишины, полной неподвижности и всеобщего чувства ожидания, Шабанов тоже замер и стал лишь смотреть и слушать.

И вот пространство впереди слегка высветлилось, приоткрылось, и проступила высокая, лесистая гора – должно быть, господствующая высота в округе – со смутными очертаниями огромного строения на вершине, что-то вроде Московского университета, если смотреть на него со стороны Москвы-реки, но со срезанным вполювину шпилем.

Видение длилось несколько секунд, после чего ему почудился крик петуха и внезапный ветер, ударивший по земле вместе с лучами солнца, натянул из распадка белесый туман и превратил гору в усеченную пирамиду. Шабанов разочарованно остановился: неужели так быстро все закончилось?..

Спустя минуту ветер достал и его, опалхнул туманной сыростью, принес запах сторевавшего воска, и, когда унесся ввысь, вершина горы вновь обнажилась, сейчас более откровенно. Огромное, величественное здание стало не призраком: скорее всего это был старый ламаистский монастырь, ибо столько архитектурных излишеств и такой гигантизм присущ древним, наивным и чистым людям, напрочь лишенным суконного современного практицизма.

Значит, катапультировался все-таки в предгорьях Тибета. Но когда же перемахнул большую Гуйсан? И почему хватило топлива?

Нет, топлива как раз и не хватило, потому и навернулся...

Мысленный разбор полетов на том и закончился, поскольку Шабанову внезапно пришло в голову, что монастырь пуст, давно заброшен и даже с расстояния в два километра видны обломившиеся и вовсе упавшие колонны, обрушенные карнизы и деревья, растущие на кровле. Монастырь стоял высоко, много ближе к небу, и рассвет достал его раньше, чем землю.

И еще одна деталь бросилась в глаза: храм есть, а дороги к нему нет. Даже тропинки...

Забраться на высшую точку местности и осмотреться с высоты птичьего полета – это уже кое-что. Тем более древний монастырь должен быть на карте...

Двигаясь смелее, Шабанов погрузился во мрак распадка, перескочил бурную речку и тут же пошел на подъем. Он был хорошим бегуном, почти профессионалом, ибо при склонности к полноте такая разминка давала шанс не накапливать лишнего веса, столь вредного для пилота. Чем меньше было топлива, а значит и полетов, тем больше и больше накапливался жирок, в прямой арифметической прогрессии. Негде было сжигать его, и потому Герман устраивал для себя разгрузочные дни – с точки зрения медицины, издевался над организмом, когда зимой совершал суточный забег с препятствиями. Первых сорок верст бежал по снегу без лыж, в одной тельняшке и в солдатском противогазе, распуская отдыхающих в Подмосковье лыж-

ников, потом искал полынью на речке, купался прямо в одежде и говорил себе: «Ну а теперь выживай, Шабанов!»

На обратном пути тельняшка и брюки успевали высохнуть. Если же этого не случилось и вместо тепла из организма выделялся пот, забег повторял через несколько дней. А иначе бы давно уже не влезал в кабину и ручка бы упиралась в живот...

То же самое устраивал в отпуске, когда гостил у родителей и отец, глядя на него, говорил:

– Дурак, ты б лучше женился, семью завел, чем эдак-то мучить себя. В семейной жизни сала не нарастет, особенно в нынешней.

– Батя, это для меня слишком сильное средство! – хохотал он. – Это уж на самый крайний случай, когда пробежка не поможет.

У него выработалась не менее профессиональная привычка во время кросса не смотреть вперед, а себе под ноги, дабы сосредоточиться на процессе и не думать о расстоянии. Поэтому на высоту примерно трехсот метров Герман поднялся ритмичным бегом и на одном дыхании. И лишь оказавшись на уступе заранее намеченной цели, вскинул голову вверх.

Вздыхающееся солнце и ветер целиком изменили зрительную картинку, и, к своему разочарованию, он увидел, что это вовсе не гора, а уходящий в бесконечность хребет, на вершине которого стоит не древний буддистский храм, а знаменитая Китайская стена. Это величайшее крепостное сооружение венчало хребет, в точности повторяя его контуры, и как на этикетке, приклеенной к банке со свиной тушенкой, тянулось куда-то с запада на восток.

Монастырь Шабанову нравился больше, чем стена, хотя последняя давала возможность географической привязки, поскольку была на карте. С предгорий таинственного Тибета он вмиг переместился на север Китая, и, кажется, все становилось на свои места, но в душе запеклась обида, как было однажды в детстве, когда старшая сестра сказала, что возле школы с неба упало облако, мол, беги скорее, пока пацаны не растащили. Он помчался к школе босым по снегу, потому как некогда было искать валенки, оббежал все вокруг и ничего не нашел. Все облака оказались на месте, то есть в небе. Шабанов шел обратно и ревел всю дорогу. Душа еще была новенькая, неразношенная и не вмещала много горечи, чуть что, так и слезы уже через край... Сестра потом прыгала от радости и дразнила: «Обманули дурака на четыре кулака! А на пятый кулак наш Германка дурак!»

И сейчас было хоть плачь! Неведомое, не обжитое пространство вернулось на землю и оказалось самым плотным по населению на один квадратный километр.

Недолго пожил в вольном полете...

В тот момент ему не хотелось даже думать, как и почему он здесь очутился, не хватало моральных сил доставать карту, делать привязку и разгадывать ребус, отчего и когда сбился с курса. Начертанный ему маршрут движения нигде и близко не проходил от Великой Китайской стены...

Кровь из уха больше не текла, похоже, запеклась внутри и от нагрузки теперь стучала с металлическим шорохом. Он прикрыл его ладонью и прислушался одним ухом – где-то за хребтом летел вертолет. Если его подняли в такую рань, значит, уже начались поиски. Многочисленный братский народ, сумевший выстроить такую стену от супостата, одного пилота с «принцессой» как-нибудь уж изловит. Китайцам тоже обидно, почему это северный брат продает сверхсекретное изделие в Индию, когда им оно нужнее и они могли бы его купить с таким же успехом. Ну, раз не продали – попробуют сами достать, бесплатно...

То ли из-за шума в ухе, то ли из-за акустики гор, звук вертолета показался ему странным, жужжащим, без характерных хлопков несущих лопастей. Может, какую-нибудь авиетку подняли для разведки?..

«Табакерка» в карманчике «малямбы» давно высыпалась, да и от места приземления он убежал на верных пятнадцать километров: в горах все кажется близко, а пойдешь ногами мерить – конца и края нет. Вообще-то, при всем раскладе следовало бы избежать братских объ-

ятий китайского народа. Из принципа, из соображений самолюбия, а не по инструкции нижнего соседа Заховая. В любом случае в живом виде «принцессу» они не получают, если только воронку от нее найдут, и, догадываясь об этом – они же древние и мудрые! – выслеживать и хватать его грубо не станут. Наверняка попробуют войти в мягкий, неназойливый контакт, и не собак спустят по следу – скорее всего приготовят ловушку, куда он сам придет.

Шабанов так и не увидел жужжащего летательного аппарата, проследил лишь за угасающим звуком и сказал вслух:

– Вот балалайку вам!

И побежал в гору, к стене, которая тут же и скрылась из виду, как только он одолел плечо уступа. Вторая мысль, вдруг согревшая сердце, пришла внезапно: коль он очутился на севере Китая, то тут должны быть тигры! Конечно, не дурно было бы долететь до Индии, и там обрадованные «принцессой» верные союзники не отказали бы устроить сафари на слонах где-нибудь в штате Бенгалия. Ну, пусть не сафари, пусть подарили бы шкуру или, на худой случай, продали подешевле.

Впрочем, особенно обольщаться не стоило бы. А то, как вьетнамские или филиппинские братья, накормят в солдатской столовой, пожмут руку и посадят в рейсовый самолет. Кто он для них? Просто пилот-перегонщик, наездник, экспедитор, доставивший товар. Вот маркитантам из Росвооружения они бы не только сафари устроили...

Так что надо самому открывать сезон охоты на тигров, пока есть возможность. В Индию теперь вряд ли когда попадешь, после такой неудачи хоть бы на землю не списали, как товарища Жукова. Действительно, хорошо бы добыть тигра! Ни одна современная кавказская девушка не может постелить полосатую шкуру на брачное ложе, а Магуль бы постелила.

И тотчас все бы в ее жизни изменилось, да и в мире тоже!

Воспоминание об этом вернуло Шабанова в Пикулино, точнее, в позавчерашний день. Тогда он после драки в парке прибежал домой, умылся, переоделся и, пока горело сердце, невзирая на разбитое лицо, побежал искать Заховая. Никакой другой «начальник» не мог бы подговорить и толкнуть братьев-абхазов на такое подлое дело. Только он, мастер тайных операций и провокаций, способен действовать подобным гнусным образом, недостойным офицерской чести, в каком бы состоянии армия ни находилась.

В штабе его не оказалось, на КП тоже, однако дежурный выдал секрет – особист взял машину метеоразведки и улетел на рыбалку с начальником аэродромной службы. И указал примерное место. Шабанов не мог взять служебного вертолета, нанял машину и помчался за сто сорок верст. На берегу реки стояла «восьмерка», горел костер, и сама рыбалка была в разгаре. Разве что Заховая там не оказалось, и о нем никто ничего не слышал. Шабанову налили стакан, подставили банку со шпротами в виде закуски, но он даже не прикоснулся, прыгнул в такси и рванул назад.

В Пикулино вернулся к вечеру, когда у двери квартиры сидел посыльный солдат, принесший весть, что через полтора часа вылет. К тому времени Герман уверился в мысли, что Заховай находится у себя дома и, спрятавшись, сидит как мышь. Так оно и вышло: особист явился на аэродром, когда Шабанов сидел в МИГаре с опущенным стеклом гермошлема, пристегнутый к креслу и готовый закрыть фонарь. Дать ему пощечину уже было невозможно, тем более Заховай забрался по лестнице и, не засовываясь в кабину, прокричал:

– За «принцессу» отвечаешь головой!

Шабанов невозмутимо достал пилотку из кармана и за неимением перчатки швырнул ее в рожу особиста, после чего резко отгородился фонарем от всего мира.

Брошенный вызов стал еще одним стимулом, чтобы выпутаться из истории и вернуться назад...

Между тем светало быстро, и на склоне уже не надо было выставлять вперед руки, чтобы не долбануться мордой о дерево. Чем выше он поднимался, тем чаще под ногами бренчали

камни и шуршала щебенка, подернутая мхом. Лес поредел, исчах и все-таки мешал посмотреть, что впереди. И когда наконец расступился, Герман вскинул голову и обомлел: стены не было! Точнее, была, но не рукотворная: высоченная скальная гряда со срезанным, столообразным верхом тянулась по хребту и десятки мелких водопадов, срываясь с кромки, неслись к земле и превращались в пыль.

Это третье перевоплощение, произошедшее в короткий срок, полностью меняло географию; Шабанов еще раз улетел в неведомое. Отсюда хорошо был виден полосатый лоскут парашюта на деревьях за распадком. Напрямую, по воздуху, кажется всего километра два, а по земле отмахал добрых двадцать и буквально уперся в отвесную, стометровую стену.

И не посмотреть, что там дальше, на севере, не обойти ни с запада, ни с востока. И штурмовать без снаряжения и страховки нечего было и думать.

После короткой передышки он все-таки двинул в восточную сторону – вроде бы там просматривалась седловина и какой-то темный проруб в стене, а более потому, что там вставало солнце и водяная пыль начинала светиться радугами.

Заманчивая игра света обернулась холодом и сыростью, однако черный провал в стене оказался глубоким руслом речки, по ступенчатому дну которой неслась светлейшая вода – лучше места, чтоб подняться наверх, не найти. Он не засекал время, и солнце не доставало дна ледяного, как погреб, каньона, и когда заканчивал восхождение, обнаружил, что оно уже на западе и вот-вот коснется лесистых гор.

Но больше всего поразило другое: путь на север был отрезан широкой горной рекой, белой от кипения воды на порогах. Она текла с запада на восток, омывая по подошве скальный хребет, отвесно уходящий вниз метров на триста. Река, словно извилистая черта, отделяла горы от всхолмленной лесистой равнины, начинающейся сразу же от берега; здесь кончался какой-то кряж и открывался вид на десятки километров. И хоть бы один знак, одна примета человеческого присутствия!

Вершина хребта оказалась плоской и ровной, как стол, там, где стоял лед, обнажилась самая обыкновенная тундра – ягель, мелкий кустарник и угнетенные, изломанные ветрами и причудливые по форме лиственницы, среди которых, невзирая на человека, паслись олени. Шабанов не успел толком осмотреться, солнце за несколько минут рухнуло за гору и весь нижний мир тотчас же погрузился во мрак.

Последнее, что бросилось в глаза и приковало воображение, отсутствие парашюта на деревьях. Склон противоположной горы, на который он приземлился, несколько теперь отдалился, ушел вниз и просматривался, как с самолета.

Он точно помнил место, где завис на деревьях и несколько раз видел полосатое полотнище, когда поднимался по каньону. Теперь оно исчезло, хотя ветра не было даже здесь, на вершине хребта...

Шабанов ночевал на сухом, каменистом пяточке под лиственницами, без костра, сидя на НАЗе и обняв холодный пистолет-пулемет. Спал мало, урывками, и жалел, что бросил гермошлем, оставшись без всякого головного убора. С сумерками на хребте стало морозно; утих, а потом и вовсе пропал шум бегущей воды, и под утро выпал иней. Это значило, что он находится в зоне с резко континентальным климатом, для которого характерны такие температурные перепады: все-таки это или север Китая, или восток Монголии...

После недолгой дремы он вскакивал, разминался, разогревался и снова лез под узловатую, развесистую крону дерева, на котором уже лопались почки и пробивалась хвоя. Под утро, когда совсем замерз, вспомнил, что в комбезе у самого сердца лежит пакет с сопроводительными документами, который теперь не нужен и подлежит уничтожению – то есть можно подпалить и чуть-чуть погреться над крохотным костерком. Он достал бумаги, распушил жесткий край и с удовольствием подпалил государственные секреты. Горели они жарко, почти не давали

дыма, однако таяли очень уж быстро, как надежды вероятного противника, который за ними охотился. Через минуту на камне осталась щепоть пепла и ни грамма тепла; напротив, после горячего огня стало еще холоднее и Герман стал разогреваться сидя, как ленивый и озябший на облучке ямщик – резкими наклонами вперед и назад, пока не потеплела спина и лицо.

Несколько раз он включал сканер и слушал эфир – ни звука! Если бы кто-то не снял парашют с деревьев, то можно было смело сказать, что в этих местах еще не ступала нога человека. Ни по земле, ни по воздуху. Непуганные, скорее всего никогда не встречавшиеся с человеком олени однажды разбудили Шабанова, столпившись вокруг. Несколько минут они смотрели, как любопытствующие дети, на странного чужака, почему-то прыгающего на месте и машущего руками, после чего спокойно побрели своей дорогой.

И всю ночь, сначала неназойливо, потом весьма ощутимо у него погромыхивало в ухе, забитом спекшейся кровью.

Под утро ему приснился сон: Заховай прибежал к нему в квартиру и ударил веслом по уху, вроде бы за то, что Шабанов испортил ему рыбалку. От этого удара Герман проснулся и в тот же миг последовал еще один, на сей раз где-то внутри головы. Он перетерпел боль, помассировал вокруг ладонью, попрыгал на одной ноге, словно в детстве, когда вытряхивают попавшую в ухо воду, и будто бы полегчало. Восток разливался заревом вполне, тьма еще лежала в распадах, но и при таком освещении было отлично видно, что парашюта на деревьях нет. И все-таки Герман дождался солнца, высветлившего склон противоположной горы – не оказалось его и на земле. Не иголка же – почти десять квадратных метров яркой «матрасовки»...

Перед спуском Шабанов решил позавтракать, заодно осмотреться и погреться на солнце. Он устроился на сухом месте у края скалы, расстегнул НАЗ и в этот момент увидел, как внизу, из мелкого редколесья появились люди – четыре крохотные фигурки, едва различимые на фоне пятнистого склона. Они двигались стремительно и через минуту достигли устья каньона, тем самым отрезав путь вниз. Еще через минуту, поскакав по глыбам, люди пропали из виду – пошли на подъем!

У него было время: даже зная маршрут и имея скалолазную подготовку, потребуется часов пять-шесть, чтобы забраться наверх, однако кусок в горло не полез. Шабанов выдал из стандарта таблетку «Виры», сунул под язык и неспешно побежал на восток по платообразной вершине хребта, стараясь двигаться по языкам ледника, чтобы не оставлять следов. С момента приземления он ждал погони и готов был к ней, и все равно она появилась неожиданно, и хорошо, что вовремя обнаружил ее. А то можно было столкнуться нос к носу в узком каньоне, откуда не выпрыгнешь и не разойдешься.

Охота за «принцессой» началась!

Он не знал, что там впереди, есть ли еще один подходящий спуск, и целиком полагался на удачу. Восход слепил, сверкающий, белый ледник скрадывал пространство, и Шабанов ждал, когда солнце поднимется выше, чтобы посмотреть, далеко ли тянется эта взлетная полоса по вершине хребта. Иногда она расширялась до сотни метров, иногда суживалась до тридцати, слева внизу лежала река и равнина, справа лесистые горы, и временами было полное ощущение, что он летит: допинг впивался в кровь изо рта, отчего побаливающее после вчерашней нагрузки тело утрачивало вес и стихала шуршащая боль в ухе.

Когда солнце поднялось над горами, Герман разглядел наконец, что хребет делает плавный изгиб к югу и впереди еще километра три почти голой, мшистой тундры – то, что видно невооруженным глазом. Ледник здесь растаял, и малые его обмылки остались лишь у северного борта. Ленточное плато скоро расширилось, и открылся еще один каньон, однако на северную сторону! Поток воды летел по уступчатому ложу и отвесно падал в реку: если даже спустишься, то дальше хода нет...

Ловушка получалась классная, как у кота, загнанного на столб. Если спуска нет у восточной оконечности хребта, то хоть продевай ноги в рукава материнного тулупчика, бери в руки

полы и пускайся в свободный полет. Но ведь как-то забираются сюда олени?! Не по каньону же, где есть уступы с двух-, трехметровыми стенками? Шабанов заметил, что вместе с отклонением к югу начинается небольшой уклон вниз и талая вода, постепенно собираясь в ручеек, бежит вперед, то пробивая открытое русло, то ныряя куда-то под мох. Он несколько раз пересекал плато от борта к борту, стараясь засечь понижение хребта, и когда до восточного обрыва оставалось метров триста, вдруг увидел с южной стороны две пологих каменных осыпи, конусами уходящих вниз. Между ними, словно корабельный форштевень, торчала скала, выдающаяся далеко вперед.

– Балабайку вам! – крикнул он и, не раздумывая, побежал вниз.

Он не заметил момента, когда стронул осыпь, и спохватился, почувствовав, что несется вниз, не перебирая ногами, и впереди, словно от взрыва, поднимается густая полоса пыли.

Спасло его то, что он сразу лег на спину, на НАЗ, и оказался точно посередине конуса. Каменный поток пронес его метров сто пятьдесят и выплюнул в завалы крупных глыб и деревьев, полузанесенных щебнем. Поднявшийся шлейф пыли заволок все вокруг и надолго повис в неподвижном воздухе. А за спиной, прыгая мячиками, неслись отдельные камни и улетали далеко вперед. Ожидая удара в спину, Шабанов отскочил и залег за глыбу. Несколько снарядов пролетело над головой, и один на глазах срубил лиственницу в руку толщиной.

Когда этот обстрел кончился и осыпь затихла, он выбрался из пыльной тучи: ощущения были ничуть не лучше, чем после катапульты. НАЗ выдержала, высотный комбинезон тоже, но локти под ним и ягодички саднило, с одного ботинка напрочь сорвало протектор подметки и осталась лишь кожаная, скользкая подстилка. И все пузыри, вздувшиеся за ночь на обожженных ногах, полопались, и сейчас лодыжки палило, будто кислотой. Однако считать потери не оставалось времени. Ковыляя, Герман побежал в распадок, подальше от реки, чтобы не прижали к ней и снова не загнали в ловушку. Спустившись к ручью, он умылся, напился, закинул в рот еще одну таблетку «Виры» и взял направление на юго-восток.

И чем дальше уходил в горы, тем больше утверждался в мысли, что в любом случае попал он не в Китай: в стране с полуторамиллиардным населением не могло быть столько безлюдной территории, даже в суровой по климату северной части. И никаких высоковольтных линий, дорог, тропинок, лесоустроительных просек! Неожитая, первозданная земля, если не считать птичьего гвалта.

К полудню он одолел километров двадцать и, оказавшись в седловине гор, осмотрелся и пошел строго на юг – усложнил задачу преследователей: чем больше зигзагов, тем скорее сойдутся со следа. За весь день он не увидел ни одной приметы присутствия человека и к заходу солнца был уверен, что упал все-таки на территорию Монголии, население которой не любило горно-таежные места, предпочитая степи – кочевники они и есть кочевники...

Допинг выветривался довольно быстро, и приходила усталость с острым чувством голода. Шабанов посчитал, что оторвался от погони километров на тридцать и есть возможность поспать ночь, чтобы с утра увеличить расстояние разрыва. Следовало найти такое место, чтобы развести костер и не выдать себя. Уже в сумерках он неожиданно наткнулся на землянку, врытую в косогор и сверху засыпанную перегнившими деревьями и камнем – что-то похожее на охотничье зимовье. А вокруг – заросли дикой или одичавшей вишни с почками, готовыми раскрыться через день-два.

Это было первое человеческое жилье, найденное за два дня почти непрерывного бега. Ступая осторожно, он обошел это место вокруг и, убедившись, что здесь люди не бывали по крайней мере лет десять, кое-как отжал заклиненную временем дверь.

Из тесного пространства дохнуло землей и прелью дерева. Шабанов посветил фонариком, увидел камелек в углу, сложенный вроде камина, и рядом – нары, на которых кто-то спал: из-под шкуры торчали подошвы сапог. Держа оружие наготове, он вошел внутрь и посветил спящему в лицо...

Лица, как такового, не было, из-под края шкуры выглядывал желтоватый череп с кучкой ссыпавшихся черных волос у темени. Рядом с ним лежали тонкие косточки истлевшей руки, когда-то державшей край шкуры...

В первый миг Герман испытал омерзение и желание немедленно выбежать из этой норы-склепа, но тут же взял себя в руки и переметнул луч фонаря на стену: в углу стояла ржавая винтовка и рядом висела какая-то заскорузлая, изветшавшая одежда. На деревянном штыре, вбитом в балку, он увидел надутый мешочек и, едва тронув, осыпал на пол какое-то зерно, что-то похожее на рис. На низком столике в углу стояли чайник, деревянная миска и лежал сильно сточенный нож с деревянной ручкой.

Над всем этим витал дух тлена.

Винтовка оказалась заряженной, стояла на боевом взводе, и, несмотря на ржавчину, можно было прочесть клеймо на английском – выпущена в Японии в 1907 году. Кроме того, в изголовье на полу лежал изъеденный черными раковинами самурайский меч без ножен, под-сумок с патронами и темного стекла пустая бутылка, возможно, откуда покойный пил воду.

И скорее машинально он ощупал расплзающуюся ткань одежды на стене, достал из кармана твердый, окостеневший предмет. Это был сложенный вчетверо кусок кожи, задубевший от времени, а в нем – лист бумаги, с одной стороны представляющий собой японский государственный флаг, с другой – испещренный столбиками иероглифов: похоже, документ, удостоверяющий личность...

Этот третий предмет, подчеркивающий японское происхождение, вначале пробудил шальную мысль – а не залетел ли он в Страну восходящего солнца?! И тут же отменил ее – велико расстояние, топлива хватило бы на половину пути, не больше. Скорее раненый самурай забрел в землянку во время гражданской войны, если судить по винтовке, и тут умер в одиночестве... Однако при этом слишком неожиданное предположение совсем не исчезло из сознания и будто расширило географию его местонахождения. Например, откуда вокруг землянки этот одичавший сад, а вишня, как известно, священное дерево у японцев. Так что исключать ничего нельзя, пока не будет точного подтверждения...

Шабанов еще раз осветил мертвеца и обратил внимание, что потускневший мех покрывала на нем имеет полосатую расцветку. В следующий момент, забыв об отвращении, он поддел стволом свисающий с нар край одеяла и увидел крупную, кошачью лапу: без сомнения, этот витязь был укрыт тигровой шкурой!

Если не принес с собой, значит, они тут водятся...

Сожалея, что ночлег под крышей не состоится, Герман вышел из землянки, плотно закрыл дверь и спустился в глубокий распадок, где шумела весенняя вода. По пути он искал тропу или какие-нибудь следы жизнедеятельности человека, но если что и было, то все заросло, возможно, умерший самурай был последним, кто навещал эти безлюдные места. Добыл шкуру и откинул копыта...

Отгоняя мрачные мысли, он выбрал место на ровной площадке склона, наломал елового лапника для подстилки и все-таки не стал разводить костер, поел и лег, положив НАЗ вместо подушки. «Принцесса» не выветривалась, воняла по-прежнему, но иное, более сильное ощущение, устранило запах: едва он затих, как боль в ухе дала о себе знать, кровь застучала, превращаясь из неприятного шороха в сотрясающие мозги выстрелы.

Этот сосуд лопался у него уже дважды после учебных катапультирований, и сей недостаток вовсе ничего не значил и не мешал раньше, поскольку он тут же бежал в санчасть, где делали промывание уха, и через сутки все проходило. В принципе и само бы прошло, без медицинского вмешательства, но кажется, вчера он еще застудился на хребте, одно наложилось на другое...

Он хотел уснуть, пока было тепло, но удары становились нестерпимыми. Допинг днем глушил боль, да и сам бег отвлекал, так что в правой стороне головы чувствовалась лишь горя-

чая тяжесть и легкое отупение. Можно было бы хватануть еще одну «Виру», но это значит не спать всю ночь, а завтра не будет силы и энергии.

Сначала он съел три таблетки анальгина и, обхватив голову руками, выждал полчаса – улучшения не наступило. Тогда оторвал от перевязочного пакета шприц-тюбик с промедолом и поставил себе укол в бедро сквозь комбинезон. Сосчитать успел до семидесяти и отключился с грезами, будто прохладной ночью вступает в теплую, парную воду родной речки Пожня...

После купания Шабанов грелся у большого костра, разведенного на берегу, и прыгал на одной ноге, выливая воду из уха. Прыгал и приговаривал:

– Мышка, мышка, вылей воду под осинову колоду!

Вместо воды потекло авиационное топливо, и Герман отскочил от огня, чтобы не вспыхнуть. Лилось долго, так что он успел замерзнуть, и когда закончился этот поток и Шабанов вернулся к костру, увидел возле него совсем незнакомую молодую и обнаженную женщину, лежащую на расстеленной тигровой шкуре. Он был еще маленький, лет двенадцати, а она старше раза в два, но, несмотря ни на что, манила его рукой.

– Иди ко мне. Я хочу отдаться и стать твоей женой. Не бойся, иди! Ты же добыл мне брачную постель!

На лицо она была русская, и волосы светлые, но тело показалось ему желтоватым, и на лодыжках ног, запястьях рук – тонкие золотые цепочки, словно у японских гейш. Нечто подобное однажды случилось в детстве, когда его сманивала, а потом стряхивала с черемухи местная дурочка по имени Лися...

– Я не знаю, где я, – сказал он. – Кончилось топливо, и я катапультировался. Это какая река?

– Да твоя, Пожня! Не видишь?

– Нет, я бы сразу узнал место... А как тебя зовут?

– Лися! – засмеялась она.

– Врешь, у Лиси были рыжие волосы! И она потерялась...

– А вот и не потерялась! Теперь я в Японии живу!

– Я взлетел из Пикулино! Мне бы до Японии не хватило горючего!

– Ты попал в вакуумный поток!

– Откуда ты знаешь, что такое вакуумный поток? – изумился Шабанов.

– Знаю! Я много чего знаю! – Она рассмеялась. – Ты же думаешь про меня – ведьма?

А ведьмы знают все.

– Таких потоков не бывает, это все легенды...

– Но вот же, посмотри, река твоего детства!

– Не верю... До реки моего детства нужны три заправки.

– А веришь, что я перед тобой на брачном ложе?

– И в это не верю... Я поставил себе промедол, ухо болит. Ты плод наркотических грез.

– Иди ко мне! И узнаешь, какой я плод!

Неожиданно для себя Шабанов набросился на нее как тигр, прижал к шкуре и заворчал. Земля, словно осыпь, стронулась с места и понеслась вниз, разве что в воздух поднималась не пыль, а искры, которые превращались в звезды. Женщина засмеялась, сияя ослепительно белыми зубами, и запела:

– О, мой витязь! Ты самый прекрасный на свете!

Вокруг плотным кругом встали олени и смотрели печальными, осуждающими глазами, отчего Герману стало невыносимо стыдно. Костер почему-то угас, хотя дров еще было много, и на него нанесло густой дым. Он стал задыхаться, женщина вместе со шкурой словно сквозь землю провалилась, и Шабанов проснулся.

Все, что осталось от сновидения, был резкий запах дыма, несущийся вдоль распадка. Темнота казалась непроглядной, так что он вообще потерял ощущение пространства и вставал

с вытянутыми руками. Беззвездная, глухая и теплая ночь показалась бы благодатной, если б не будоражил острый и совсем близкий запах горящего костра. Он нащупал пистолет-пулемет, вывел из гнезда тугой, неразношенный предохранитель и осторожно встал...

Огонь горел всего в какой-то сотне метров от него ниже по ручью. Пламя явственно просвечивалось сквозь склоненные, подмытые паводком деревья и освещало багровый раструб, устремленный вверх. Сразу стало ясно, что спать сегодня больше не придется, потому Герман закинул НАЗ на плечи и с оружием на изготовку осторожно двинулся вдоль ручья по противоположному берегу. Боль в ухе снова нагрозила полголовы горячей тяжестью.

В тесной горловине распадка, у костра сидели четыре неподвижные фигуры – то ли дремали, то ли просто грелись, самоуглубившись каждый сам по себе. Определить, кто они и те ли, что устроили за ним погоню вчера утром, можно было только по количественному составу. И если это те, каким образом они распутали зигзаги и очутились впереди него, по сути, заслонив путь – с утра Герман решил двигаться по этому распадку... Разрыв по времени между ними был часов пять-шесть, и Шабанов весь день бежал на допинге, как спринтер, без единого привала, стремился еще увеличить отрыв от погони, а вот на тебе, сидят!

Оружия на них не видать, одежда – так точно не армейского образца: черные куртки, штаны, неопределенного фасона кепки – что-то вроде зековского, безликого обмундирования. И кто они по национальности – не определить: в отблесках костра и поднимающегося жара красные лица смазаны... Шабанов понаблюдал за ними издали, и лишь сделал попытку приблизиться, как один из дремлющих встряхнулся и выхватил откуда-то из-за спины оружие, что-то вроде кавалерийского карабина. Тотчас же встревожились и все остальные. До преследователей было метров двадцать, и сидели они кучно, так что не составляло труда срезать всех одной очередью, но он никогда еще не стрелял в людей, тем более эти, в общем-то, еще не причинили ему зла и не вызывали никаких чувств, кроме проявления осторожности. Вдруг они вообще не имеют отношения к погоне, какие-нибудь егеря, лесники, охотники...

Пятясь задом, Герман отступал, пока не уткнулся спиной в дерево. Люди у костра уже стояли с карабинами в руках, водили стволами в разные стороны и, кажется, опасались окружающего ночного пространства больше, чем он. Кто-то из них дал команду, и в воздух ударил нестройный залп. Под шумок Шабанов отскочил еще дальше и, пока встревоженное эхо гремело в горах, ушел метров на сорок, и потом, перескочив ручей, круто взял в гору, теперь строго на юго-запад. И на бегу сообразил, что если и дальше так пойдет, то получится, его станут гонять по кругу, не давая вырваться из некоего пространства, центром которого является точка приземления.

До рассвета он одолел километров семь. Почувствовал усталость и тяжкий огонь в правой части головы, на сей раз не помогла даже таблетка «Виры». Она притушила боль всего часа на полтора, после чего азарт бега и опасность оказаться в чьих-то руках уже не стимулировали, не поднимали общего энергичного тонуса. Мало того, Шабанов почувствовал, как начинает рвать правое глазное яблоко и зрение становится странным, непривычным – каждый глаз видит отдельно, и такая несовместимость полностью искажает мир. Он стал наткаться на деревья, запинаться о камни и валежины, когда обычно легко перескакивал их, и после того, как трижды, раз за разом, упал в общем-то на ровном месте, замедлил шаг и начал двигаться осторожно.

Третий день нескончаемого движения оказался самым трудным еще и потому, что, сохраняя направление, он бежал с горы на гору, пересекая гряды под девяносто градусов. После нескольких долгих тягунов, забравшись на очередной лесистый отрог, Шабанов повалился на землю, чтобы перевести дух, и в это время увидел внизу открытое пространство – неширокую долину, где на свежей, молодой зелени паслись четыре черно-пестрых коровы и десяток овец. Картина среди нежилых, диких гор была настолько неожиданной, что вначале почудилось, это призрак, сон, спровоцированный промедолом в смеси с допингом. Боясь стряхнуть видение,

Герман встал и, словно замороженный, пошел вниз. Долина между гор была не то что цветущей – повсюду преобладала прошлогодняя бурая трава, в том числе и чертополох, однако у широко разлившейся речки он увидел два высоких, под мшистыми и явно китайскими крышами, но по-русски срубленных дома и черный квадрат недавно вытаявшего из-под снега влажного огорода. Незатейливый этот вид показался Шабанову радостным, долгожданным, словно он после долгих скитаний наконец-то очутился в родных местах на реке Пожне. Единственное, что портило впечатление, – стучащая боль в ухе и «двуствольное» зрение, отчего он видел два совершенно одинаковых дома и две параллельных реки.

Он спустился до опушки леса и, спрятавшись там, сунул в рот очередную таблетку «Виры». Это было признаком одичания – Герман явственно ощутил боязнь выйти к человеческому жилью в дневное время, и, понимая это, он сидел в зарослях шиповника, боролся с собой, будучи уверенным, что все равно не тронется с места, пока не стемнеет. Иногда теплый ветерок доносил его запах до пасущихся коров, и те вскидывали головы с настороженными ушами, словно чуяли зверя. Прошел час, другой, третий – из дома никто не появлялся, а вместе с вечерним светом, озарившим уютную, благодатную долину, и одновременным воздействием допинга Шабанов ощутил некоторое облегчение, раздвоенное зрение кое-как собралось в одно, и стало ясно, что изба с крышей, как у китайской фанзы. В половине восьмого из дома вышла раскосая, черноволосая девочка лет десяти, взяла хворостину и погнала скот ко двору. Он вспомнил, что девочкам-китайкам специальными деревянными башмаками уродуют ступни ног, оставляют их детскими, и они ходят так, что ветром качает – у этой, кажется, все было в порядке, носилась за овцами по выгону, и лишь пятки сверкали.

Через полчаса наконец-то появились взрослые, приплыли откуда-то, потому как мужчина принес лодочный мотор. С ним прибежала и развалилась на крыльце толстая черная собака, и чуть позже пришли женщина и мальчик лет восьми. Лиц из-за сумерек было не рассмотреть, но показалось, у хозяина хутора борода и волосы рыжеватые. Шабанов рассчитывал дожидаться полной темноты, успокаивая себя тем, что, если здесь засада, ночью легче скрыться, но отсидеться не удалось – выдал пес. Вероятно, напахнуло ветерком, и он почуял, вскинулся, залаял с крыльца, затем помчался прямо к Герману. Из дома никто не выбежал, в лесу висела полная тишина, ни переполоха, ни тревоги, хотя собака со злобным лаем закружила от него в двух метрах, счесывая с себя шиповником линялую шерсть. Будь тут засада, уже бы летели со всех сторон...

– Заткнись! – сказал Шабанов. – Чего орешь?

Пес на секунду закрыл рот, насторожил уши, и тут Герман разглядел его породу – чау-чау! В собаках он особенно не разбирался, однако этих лохматых увальней знал отлично: у начальника штаба в Подмоскovie был точно такой же экземпляр, разве что молчаливый и совсем не злой. Ходил с хозяином на работу и с работы, летом страдал от жары, а все окружающие – круглый год от бесконечных рассказов влюбленного в свою псину хозяина. Шабанов знал об этой твари если не все, то почти все...

Родина чау-чау – Тибет, где ее использовали в качестве охотничьей, ездовой и сторожевой.

Откуда взяться чистопородной тибетской собаке в такой безлюдной глухомани?..

Прошло минут пять – пес лаял, ничуть не ослабляя азарта, но хозяин даже на крыльцо не вышел. Через некоторое время там появился мальчишка, постоял, пописал и невозмутимо удалился, а скоро появилась женщина с подойником и преспокойно направилась в хлев, куда девочка загнала коров.

Это было хуже, чем засада, – не известно, что ждать. Или они привыкли тут, что чау-чау по вечерам на кого-то лает в лесу, или настолько самоуверенны и спокойны, что им все до фонаря. А ну как действительно выйдет тигр или медведь? Может, тут тибетские монахи живут? Их вроде как с детства натаскивают быть невозмутимыми, что бы ни происходило...

Хозяйка появилась из коровника с полным подойником и, даже не оглянувшись, понесла его в дом: Шабанову вдруг захотелось парного молока, вкус которого он помнил с детства. Сейчас бы взять полную солдатскую кружку и выпить залпом! По вечерам они с сестрой всегда ждали, когда матушка подоит корову, и сидели наготове со своими посудинами, уже накрытыми кусочком марли...

Тем временем девочка растопила летнюю печь под навесом и загремела посудой, а хозяин с мальчиком принялись развешивать по забору мокрые сети. И все делалось на этом хуторе молча, без единого слова, будто глухонемые тут жили! Подспудно Шабанов все время прислушивался, хотя из-за сверлящей боли в ухе звуки воспринимались искаженными, как эхо в пустой бочке. Только собачий лай, гремевший рядом, слышался отчетливо, да вся беда, псы в Китае, России или на Тибете брехали на одном языке. Лесная семейка эта, прямо сказать, выглядела странно и не внушала доверия. Мало того, когда сумерки сгустились, в доме и на улице внезапно вспыхнул электрический свет, показавшийся особенно ярким, даже слепящим.

Но вокруг на добрую сотню километров ни столбов, ни проводов! И не слышать, чтобы работал движок электростанции...

Этот несопоставимый знак цивилизации окончательно сбил охоту выйти к хуторянам, по крайней мере сейчас: очень уж похоже на ловушку, куда его три дня словно подталкивали. Коль начата облава на «принцессу», то охотники, должно быть, знают, что девица эта с величайшим гонором и просто так в руки не дастся; заполучить ее можно лишь хитростью, усыпив бдительность нынешнего владельца чем-нибудь в виде кружки парного молока и уютной постелью в теплом доме. И потому не реагируют на собачий лай, зная, что клиент явился к западне и теперь его надо заманить приманкой, например, домашним очагом, электрическим светом, чтоб сам пришел. Инструкций, как действовать в подобном случае, Заховай не дал, верно, не рассчитывал на такую ситуацию, однако Шабанов сам мог принимать решение в зависимости от опасности, грозящей «принцессе»: сразу рвануть кольцо и лишиться ее жизни, или выбрать промежуточный вариант – зарыть в землю, утопить в воде, чтоб впоследствии можно было достать. Конечно, если тут засада, неплохо бы поморочить охотникам головы, спрятать изделие, выйти на хутор, попить молочка, выспаться, не исключено, и ухо полечить. И посмотреть, что станут делать, по-каковски заговорят, начнут ли интересоваться содержимым «малямбы», а там уже и сориентироваться...

И ответить наконец на вопрос – где я?

Но ведь, сволочи, могут так все организовать, не почувствуешь, как влетишь! Убедят, например, что он находится на территории России, вызовутся помочь пилоту, попавшему в беду, и тогда на хуторе непременно окажутся русские – у хозяина вон вроде борода рыжая, хотя дочка у него определенно китайского или японского вида. А когда Шабанов откопает «принцессу», вернее, приблизится к месту, где ее спрятал, тут и навалятся...

– А ху-ху не хо-хо? – вслух спросил Герман у собаки. – Пойди и так передай хозяевам. Мы тоже умеем хранить молчание и спокойствие. Чау-чау!

Он отошел поглубже в лес, но так, чтобы не терять из виду усадьбу и прилегающую территорию, сел под камень и, невзирая на сопровождающего пса, принялся чистить ухо. На хуторе ужинали возле печки под навесом, сидели чинно, по ранжиру, и как только встал хозяин, вскочили все остальные – правила были строгие. Отец семейства с мальчиком ушли в дом, жена с дочкой перемыли посуду и принялись что-то печь – хлебный запах достиг леса!

Эх, сейчас бы не просто кружку парного молочка, а еще бы и горбушку горячего черного хлеба!

Чтобы не искушаться, Шабанов переместился ближе к реке, но с пекарни по-прежнему доносились вкусные запахи, и тогда он сел у поленницы аккуратно сложенных дров и стал нюхать НАЗ, где лежала «принцесса». Яркий электрический свет на хуторе притягивал взгляд и чуть слепил, скрадывая окружающее пространство, и потому он не заметил приближающейся

опасности. И шагов услышать не мог: шорох в ушах и болезненный гул в голове делали воздух ватным, беззвучным, так что лай чау-чау, казалось, доносился издалека. Фигура человека будто выросла из-под земли в двух саженях от Германа, и бесформенная, освещенная лишь со спины и потому темная, медленно двинулась в его сторону.

Шабанов сунул руку в НАЗ, нащупал круглый разъем «принцессы» и осторожно высвободил кольцо...

3

Во время инструктажа представитель главного конструктора в подробности особенно не вдавался, устройство, принципы действия «принцессы» не объяснял, да и не мог бы ничего объяснить за полчаса общения. Высокородная особа уже была продана и принадлежала другому, и потому он больше напирал на особые взаимоотношения с нежной барышней в критических ситуациях – и ведь накаркал, подлый!

– Смотрите сюда внимательно! – Инструктор указал на разъем. – Здесь внутри имеется кольцо, связанное с предохранительной чекой. Оно достаточно легко вынимается из гнезда и становится кольцом обыкновенной гранаты. В случае, если невозможно сохранить изделие – а вам объяснили, какие это могут быть случаи, – вы коротким рывком приводите в действие запал. Замедлитель рассчитан на тридцать секунд, так что можно не бросать, просто оставить на земле и удалиться на полсотни метров. И прошу особо запомнить: ни в коем случае не теряйте это колечко, если конечно, хотите потом служить и летать. Лучше всего надеть его на палец, то есть обвенчаться: видите, выполнено в точности как серебряное обручальное. Оно и только оно послужит вам доказательством, что «принцесса» не попала в чужие руки и ликвидирована.

– Не приведи бог! – вздохнул Шабанов. – Свят-свят-свят...

– Что вы сказали?

– Говорю, не дай бог обвенчаться с такой принцессой. И полцарства в придачу не надо...

– Да, это будет для вас неподходящая партия, – серьезно согласился и намекнул на что-то инструктор. – Вопросы ко мне есть?

– Есть, – затосковал Герман. – От нее все время будет такой запах? Или выветрится?

– А на что предусмотрена кислородная маска? – обиделся он, обласкивая «принцессу». – Не знаю... Нормально пахнет, ничего особенного.

Сейчас Шабанов не чувствовал ни ее запаха, ни дразнящего хлебного духа – темная фигура надвигалась и, кажется, вырастала на фоне огней хутора. Со спины он был хоть и не очень надежно, но все-таки защищен высокой поленницей, по крайней мере, навалиться сзади на него будет трудно, и это уже неплохо. Кольцо в точности налезло на безымянный палец правой руки и таким образом приковало его к НАЗу; левой он нащупал «Бизона» и понял, что стрелять будет неловко, однако менять положение было поздно. При малейшей агрессии оно изменится быстро: придется выдернуть кольцо, оставив на месте НАЗ, и, перехватив оружие в удобную руку, отскочить в сторону. Кто ее, «принцессу», знает, насколько у нее взрывной характер?..

Пес замолк и неожиданно, бросившись к человеку, стал облаивать его со свежей яростью: Герман ему порядком поднадоел.

А человек приблизился вплотную и, вдруг опустившись на колени, что-то поставил на землю. И тут Шабанов увидел, что перед ним уже знакомая молодая женщина, та самая, что являлась к нему обнаженной на хребте, но сейчас обряженная в некие восточные одежды, с открытым, призрачно белеющим юным лицом. Она принесла небольшой и вроде бы даже серебряный поднос, на котором стояли две зеленые эмалированные кружки с молоком, и в тарелке – тоже две приличные горбушки горячего черного хлеба.

– Это вам, – проговорила она отдаленным из-за его глухоты голосом. – Ешьте на здоровье.

Он ни секунды не сомневался, что прошлой ночью его мучили эротические сновидения, однако схожесть ее с той, что пригрезилась, была потрясающей. Единственное – эта казалась моложе и по-юношески целомудренней, без цепочек на запястьях и с потупленным взором. На сей раз она не снилась, поскольку Шабанов не спал, полностью контролировал свое поведение и ощущал реальность. Принесенная ему пища – особенно горячий хлеб, источала такой сильный

и соблазнительный запах, что вонь «принцессы» мгновенно затмила и улетучилась. Он едва подавлял желание протянуть руку и взять кружку – держало обручальное кольцо и горячая рукоятка пистолета.

Если бы эта женщина пришла с хутора, то чау-чау не лаял бы.

И смущала сдвоенная порция молока и хлеба на подносе.

– А где же принцесса? – чуть громче спросила она, осматриваясь.

Остатки аппетита пропали мгновенно: слово «принцесса» он слышал сейчас лишь в одном значении...

– Какая принцесса? – вроде бы весело спросил Шабанов, сгоняя одеревенение мышц.

– Лев Алексеевич сказал. Я случайно услышала...

– Что ты услышала?

– Что в горах ходит человек с котомкой и принцессой...

– Ладно, допустим, человек этот я! – засмеялся Шабанов. – А где принцесса? Может, в котомку влезла?

– Не знаю, – смутилась она. – Дедушка говорил, выпрыгнула из самолета вместе с летчиком. Мне стало интересно...

– К сожалению, это не так, – горько вздохнул Герман, чувствуя облегчение. – Принцесса осталась в самолете, что-то случилось с катапультной... В общем, она не выпрыгнула.

– И погибла? – Даже сквозь глухоту в голосе ее он услышал дрожащий страх.

– Вместе с самолетом. – Шабанов не знал, что и думать. – Вдребезги...

– Как жаль... Я никогда не видела настоящих принцесс. Хотела пригласить к себе в гости, подружиться... У меня нет подруги.

Эта великовозрастная особа говорила и вела себя как ребенок. Или как сумасшедшая...

Других мыслей в тот миг не приходило, и потому разговаривать с ней следовало соответственно.

– Ты сама как принцесса! – сделал он комплимент.

– Неужели ты узнал меня? – то ли изумилась, то ли устрашилась она. – Не может быть!

– Я видел тебя во сне!

– И как ты меня видел? – Эта скромница внезапно заулыбалась соблазнительно и грешно, словно знала, о чем был сон.

Шабанов снова вспомнил Лисю и отвернулся.

– Да так, ничего особенного...

– Я на самом деле принцесса, – жеманно похвасталась она. – Так меня дедушка зовет. «Моя принцесса»!

– Это заметно.

– Только вот нет подружки...

– А принц есть?

– Принц? – загадочно улыбнулась она. – Принц есть!.. Ты почему упал? Ты же так хорошо летаешь! Я видела!.. И упал!

– К сожалению, кончилось горючее, – трагично произнес он. – А техника хоть и военная, но не совершенная, без топлива не летит.

Реакция последовала неожиданная, совсем уже не детская.

– Значит, такова ее судьба, – утешительно проговорила она. – И ничего не поделать... Ты не переживай, все образуется.

– Чья судьба? – не понял Шабанов.

– Принцессы! Той, что с тобой летела... Зато тебе встретишься другая!

– Да, тут мне повезло!

– Возьми молоко, пока не остыло, и пей. Я только что подоила корову.

Шабанов освободил левую руку от пистолета, взял кружку, налитую до краев и нерасплескавшуюся: на молоке еще плавала пенка, значит, цедили его как положено, непосредственно в кружку...

– Любопытно... Как узнала, что я хочу молока?

– Все дети вечером хотят молока. И ждут...

– Дети?.. Но я же не ребенок. – Он сделал глоток и, не удержавшись, выпил до дна.

– И все равно ждал, когда подоят корову.

– А кто же такой Лев Алексеевич? – Герман откровенно рассматривал ее смутное лицо.

– Забродинов, мой дедушка по матери.

– Такой рыжий и бородатый?

– Нет, он совсем старенький и седой. Очень милый и добрый человек.

– Дедушки, они все милые и добрые, – сказал Шабанов, кося глаз на вторую кружку, верно, предназначенную принцессе. – И глазастые, как боженьки на небе... Скажи, принцесса: он что, видел меня в самолете?

– В самолете я тебя видела!

– А он? Откуда твоему дедушке известно, что мы летели вдвоем с той принцессой?

– Это вовсе не обязательно – видеть... Выпей и вторую, ты же хочешь. Или съешь с хлебом! Смотри, какой горячий. Пять минут назад вынули из печи...

– Откуда ты взялась тут, внучка? – Он взял горбушку и вместе с будоражащим запахом ощутил: в руке ни с чем не сравнимый хлебный жар. – Только не говори, что с этого хутора!

– Нет, я не с хутора. Но живу не очень далеко отсюда, за рекой...

– За рекой? – не сдержал эмоций Шабанов. – Значит, приплыла на лодке? Или мост есть?

– Летом здесь натягивают лаву, а сейчас вода большая.

– В брод, что ли, перешла?

Она вдруг засмеялась.

– В брод?.. В брод я бы утонула! Не умею плавать! Я просто перешла по воде.

– А, ну понял. – Он вспомнил, с кем имеет дело. – По воде, аки посуху... Дедушка послал? Принести парного молочка бродяге с котомкой и принцессой?

– Сама пошла... Мне стало так интересно! Ты же летчик! С того самолета, который упал вчера ночью возле Данграласа.

– А это что такое – Дангралас?

– Скалы так называются... И зовут тебя – Герман Шабанов.

Он вздрогнул, услышав свое имя, и чуть кольцо не выдернул, но через несколько секунд справился с волнением, спросил, усмехаясь:

– Тоже дедушка сказал? А знаешь, отчего он быстро состарился? Нет?

– От времени. Он так давно родился...

– Если бы!.. Пословицу слышала? Вот! Так что смотри, принцесса, как бы и тебе не растерять своих юных лет.

Самому же было совсем неуютно и невесело. Хребет с таким, или примерно таким по звучанию, названием значился на полетных картах и пересекался заданным маршрутом в предгорьях Тибета. Ну и черт бы с ним; иное дело, всезнающий дед этой барышни в восточном наряде, носящий, ко всему прочему, русское имя.

Его внучка, возможно, была вполне здорова и находилась не в том наивном возрасте, когда девочки не понимают ни намеков, ни сарказма, ни иносказательности; вероятнее всего, таким образом выражалась ее неразвитость мышления, первозданная дикость ума в смеси с неумной фантазией и той самой простотой, которая хуже воровства.

Или прикидывалась и морочила голову...

– Почему я должна растерять? – изумилось это невероятно рослое создание.

– Слишком много знаешь для своего возраста!.. Кстати, давай уж тогда познакомимся. Тебя-то как зовут, красавица?

– Ганя.

– Редкое имя, – поразмыслив, сказал Шабанов, хотя внутренне вполне с этим согласился: обычно так ласково-уменьшительно в деревнях называли дурочек. У Лиси тоже было какое-то другое, настоящее имя, однако звали ее по прозвищу.

– Полное имя – Агнесса, – поправила она. – Агнесса Тихоновна... Ты же правда летчик? И летел с принцессой? А потом потерпел аварию и нес ее на руках...

– Я же говорил: принцесса осталась в самолете! – внушительно проговорил Шабанов. – Она погибла!

И тем самым напугал ее.

– Да-да, помню! Но почему ты злишься?

– Ничего я не злюсь...

– Это потому, что голодный. Пей молоко и ешь хлеб, утром еще принесу.

– Спасибо, Агнесса, но сейчас не хочется.

Странная эта особа поставила полную кружку на камень и накрыла ее горбушкой.

– Съешь, когда захочется, а мне пора. – Она взяла поднос и пустую посуду. – Не уходи никуда. Приду, когда взойдет солнце.

Она ушла семенящей, девичьей походкой...

Было желание пойти за ней, посмотреть, как Агнесса станет форсировать бурную, горную реку, однако удержала ревнивая «принцесса», приковав своим обручальным кольцом. Выждав несколько минут, он попытался освободиться от «супружеского» знака и только сейчас обнаружил, что пережатый безымянный палец отекает, раздулся и онемел. А когда «венчался», колечко наскочило легко и совершенно не чувствовалось: значит, либо отекала рука, опущенная вниз, либо этот инструктор не предупредил, что кольцо с сюрпризом и может сжимать свои челюсти, словно капкан.

Теперь придется ходить как дураку с писаной торбой!

Шабанов осторожно переложил НАЗ на поленицу, постоял на коленях с поднятой рукой, чтобы схлынула кровь и спал отек, затем ощупал палец – вроде стал потоньше и будто кольцо уже чуть проворачивалось.

– Ты мне эти шутки брось! – пригрозил он «принцессе». – Лучше отпусти по-хорошему. Я же сказал – упаси бог от такого брака.

Чтобы не терять времени понапрасну, Герман подтянул к себе кружку и наконец-то откусил горячего хлеба. Пища была божественной, разве что приходилось экономить молоко, чтоб хватило на две горбушки, и жевать медленно, без резких движений из-за боли в ухе, но от этого хлеб казался еще вкуснее. Пока он ел, палец в кольце ослаб еще больше – минут пять, и можно вообще разорвать эти брачные узы. Почти сытый и почти довольный, Шабанов прислонился боком к поленице и прикрыл глаза. В шумной, больной голове где-то далеко стучалась интуитивная мысль, что надо бы уйти подальше от этих дров – с места, где его видели: кто знает эту Ганю с добрым и милым дедушкой? Может, в разведку посылал, сказал недалекой своей внучке, мол, поди, посмотри, там летчик ходит с принцессой. Она и побежала. А сейчас придут его бойцы в черных зековских робах...

Вместо того чтобы прислушаться к голосу разума, Герман поднял пистолет, пристроил его на коленях и снова прикрыл веки.

Он не спал и даже не дремал; находился в некоем ословелом состоянии, какое бывает, когда после долгих занятий на зимнем, ветреном аэродроме попадаешь наконец-то в теплую столовую, где, вкусив сытной пищи, ленишься даже встать, чтобы дойти до офицерского общежития. Сигналом тревоги стал внезапно и сразу везде погаснувший на хуторе свет. Шабанов встряхнулся и обнаружил, что перед ним, выставив карабины, стоят четверо – те, что пресле-

довали его второй день или другие, не понять: в темноте белеют смазанные пятна лиц и потертые стволы.

– Не двигайся! – предупредил кто-то из них. – Стой спокойно и слушай команды. Если хочешь сохранить жизнь.

– В ухе стреляет, не слышу! – Шабанов свернул предохранитель пистолета и, пошевелив рукой, нащупал «принцессу», плотно захватил пальцами кожух.

– Сейчас услышишь! – Они придвинулись ближе, выставили все четыре ствола веером. – Брось оружие, оставь НАЗ на месте и отходи с поднятыми руками. Понял?

Они знали, что находится у него в руках. Убедить их через эту молочницу Ганю, будто «принцесса» осталась в самолете, не удалось...

Герман по-прежнему стоял на коленях, привалившись плечом к пленнице, и теперь жалел, что не замахнул этих бойцов одной очередью, когда застал прошлой ночью дремлющими у костра. Двигаясь осторожно, он встал на ноги и одновременно вытянул «принцессу». Теперь оставалось совершить внезапный и резкий прыжок вверх, перескочить дрова и оттуда влупить очередь; он был уверен, что стрелять бойцы не станут – наверняка проинструктированы дедушкой, как вести себя, дабы заполучить взрывоопасную барышню живой и здоровой. А потом сразу – во тьму под прикрытием пленницы. Жаль, конечно, оставлять НАЗ, где еще полно продуктов, но руки всего две, да правая еще к тому же закольцована...

– Я-то понял! – намеренно громко сказал Шабанов, чуть разворачиваясь, чтобы переместить в нужную сторону толчковую ногу. – Но вижу, вы ни хрена не соображаете!

– Прыгнуть хочет, – заметил кто-то. – И оружие не бросил...

– Сказано, брось пистолет! – прикрикнул командир и, включив фонарь, осветил Германа. – И подними обе руки! А «принцессу» оставь на месте!

– Сейчас, разогнался! – огрызнулся Герман. – Вы что, идиоты?

Драгоценная привередливая особа доживала последние секунды. Это был тот самый случай, когда следовало не задумываясь дергать кольцо, и за это бы никто не посмел укунить – ни Заховай, ни конструктор, ни сам Господь Бог. Однако была пилотка, демонстративно брошенная в лицо особисту, и возвращаться назад только с колечком – это слишком мало, чтобы почувствовать себя победителем в поединке.

– Закрой рот и слушай команды! – рявкнули из темноты.

– Эй ты, командир, а теперь послушай меня! – Шабанов демонстративно поднял ствол «Бизона». – Если не глухой и не больной, значит дедушку слушал внимательно!

– Какого дедушку?

– Льва Алексеича!

– Да он же тянет время! – определил один из бойцов. – Забалтывает!

– А он предупредил! – нажал Герман, перебивая его. – Добыть «принцессу» в полной сохранности, верно?

– Не знаю никакого дедушки! – не сразу отозвался тот. – Выполняй, что сказано.

– Хорошо, согласен! «Принцессу» оставляю. Но ты же знаешь, что произойдет?

На сей раз пауза подзатянулась. Эти четверо устроили между собой толковище, но Шабанов не слышал, о чем конкретно, сквозь гремющий шорох в голове доносилось лишь далекое, глухое бухтение и отдельные слова. Обсуждали что-то при нем не стесняясь, знали про его воспаленное ухо, и Герман лишь догадывался: они имели слабое представление, как приводится в действие и работает самоликвидатор изделия. Дважды произнесенное слово «химический» натолкнуло на мысль, что охотники не предполагают взрыва «принцессы» и скорее всего опасаются бесшумного ее уничтожения: некоторые секретные приборы снабжались химическими ликвидаторами.

Фонарь не выключали, а прыгать через пленницу следовало сразу же, как погаснет свет – две-три секунды они сами будут слепые, наглядевшись на яркое пятно.

– Убери фонарь! – крикнул Герман и повел пистолетом. – Иначе расколочу!

Поплясав немного, луч сдвинулся в сторону, и Шабанов понял, что другого момента не будет, сделал доворот, пригнулся и вдруг увидел прямо перед лицом ствол винтовки. На поленище оказался пятый! Сидел на корточках и только ждал, когда пленник вздумает сигануть через дрова. Песенка «принцессы» была спета.

– Ладно, Шабанов! – наконец-то подал голос командир. – Будем договариваться. Что хочешь за нее?

– А что ты можешь предложить? Деньги и свободу?

– Полагаю, это не так-то и плохо, когда есть деньги и свобода. Но у меня другая валюта, которой могу расплатиться. И ты ее примешь!

– Смотря по какому курсу!

– По самому высокому. Ты же не камикадзе, Шабанов, и за свою молодую жизнь отдашь эту шлюху, – командир говорил рассудительно и насмешливо. – Поверь мне, она мизинца твоего не стоит! Поразмысли, ты же ничего не теряешь. Летная карьера закончилась, военная служба тоже. Что тебя ждет по возвращении в часть, надеюсь, догадываешься. Срок дадут небольшой, да ведь все равно срок! И здоровья убавят... Потом-то куда пойдешь? В гражданской авиации сокращение штатов, в бизнесе все ниши заняты да и начальный капитал нужен. У тебя в руках сейчас не «принцесса» – собственная судьба. Так что, капитан, не искушай ее, положи на поленищу и три шага в сторону.

– И все? – нагло спросил Герман, вдруг отчетливо осознав, что, добившись высокородной руки, эти гаврики тотчас же снесут ему башку и замоют кровь с плит тронного зала: новые женихи принцессы не потерпят его живым, и тут Заховай ничего не преувеличивал и не пугал. В жесточайшей войне за добычу высоких технологий не было ни законов, ни правил и пленных не брали, чтобы не оставлять свидетелей.

– Есть другие предложения? – Командир приблизился на шаг, оставив бойцов за своей спиной. – Выкладывай, рассмотрим.

В тот миг Шабанову и в голову не пришло, что это движение и громко сказанные слова – сигнал к захвату. С поленицы на его спину обрушилась тяжелая, цепкая туша, чья-то нога наступила на закольцованную руку и последовал тупой, мощный удар в больное ухо. Безымянный палец давно и окончательно онемел, и потому он не ощутил момента, когда отделилась «принцесса», – успел увидеть ее летящей в луче фонаря и потом чьи-то руки, жадно подхватившие желанную, таинственную невесту.

Отсчет времени он стал вести с этого мгновения. Через девять секунд его отпустили, но уперли ствол в спину и стали куда-то толкать; на счете семнадцать потух фонарь, Шабанов упал, запутавшись в ворохе сучьев и пополз. Его тыкали винтовками и что-то кричали – должно быть, приказывали встать, однако он упрямо карабкался по земле, зарываясь в кучу ветвей, будто страус, прячущий голову в песок.

Взрыв гроыхнул на двадцать четвертой секунде, и отблеск его напоминал фейерверк: с неба долго потом сыпались звезды...

Тосковать по детству Герман стал сразу же, как только оно закончилось. Произошло это потому, что из жизни по его собственной вине и ребячьему заблуждению почти выпало переходное, временное звено – юность, и сразу же началась служба.

В девять лет он первый раз в жизни увидел военного, когда в поселок приехал погостить чей-то племянник. Был он в звании старшего лейтенанта, все время носил форму и, невзирая на летнюю жару, ходил в блестящих хромовых сапогах, кителе и португее, весь такой ладный, красивый и мужественный. Про него говорили – офицер приехал! А спустя четыре года, когда Герман с отцом поехали в город получать учебники для школы и, ожидая кладовщицу, зашли поесть мороженого в кафе, случилось невероятное: дверь распахнулась и вошел пацан в военной форме. Независимо и серьезно отстоял очередь, купил сразу несколько порций и

сел за столик. Все это время вокруг него толкались, болтали и кривлялись такие же отроки в рубашонках и штанишках чуть ли не с ляжками; он же оставался строгим, неприступным и как бы отстраненным от суеты. И все это время Герман просидел с открытым ртом, забыв о мороженом.

– Батя, – наконец шепотом спросил он. – А в суворовцы где принимают?

– Не знаю, должно в военкоматах, – ничего тогда еще не подозревая, объяснил отец. – Давай доедай и пошли!

Через месяц он знал все о суворовцах и, не дожидаясь установленного возраста, заявил родителям:

– Пойду в суворовское училище! Делают исключение и принимают даже с седьмого класса, только надо похлопотать.

Отец попытался сначала объяснить, что берут туда детей офицеров, да и то не всех, сынков больших начальников и прочих блатных, потом же притомился от требований сына и заявил, что таких, как он, двоечников и балбесов, не то что в суворовское, но и в армию-то не возьмут, велел выбросить дурь из головы и сидеть дома. А у него тогда действительно был какой-то шальной период: делать овчинные крылья из тулупчика и прыгать с крыши уже стало поздновато, а летать хотелось невыносимо. Однако же нигде поблизости не то что аэродрома не было – самолеты и те летали на такой высоте, что виделись маленькими крестиками с белым хвостом инверсионного следа. Герман чувствовал еще детский и непроходящий приступ отчаяния и жил тем, что мечтал и фантазировал, не воспринимая реальности, где надо было учиться так, чтобы не позорить родителей. Мать работала учительницей, страдала головными болями, бессонницей и слабыми нервами, потому, выслушав заявление сына, совершенно не педагогично добавила к отцовским аргументам подзатыльник и отправила косить траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.